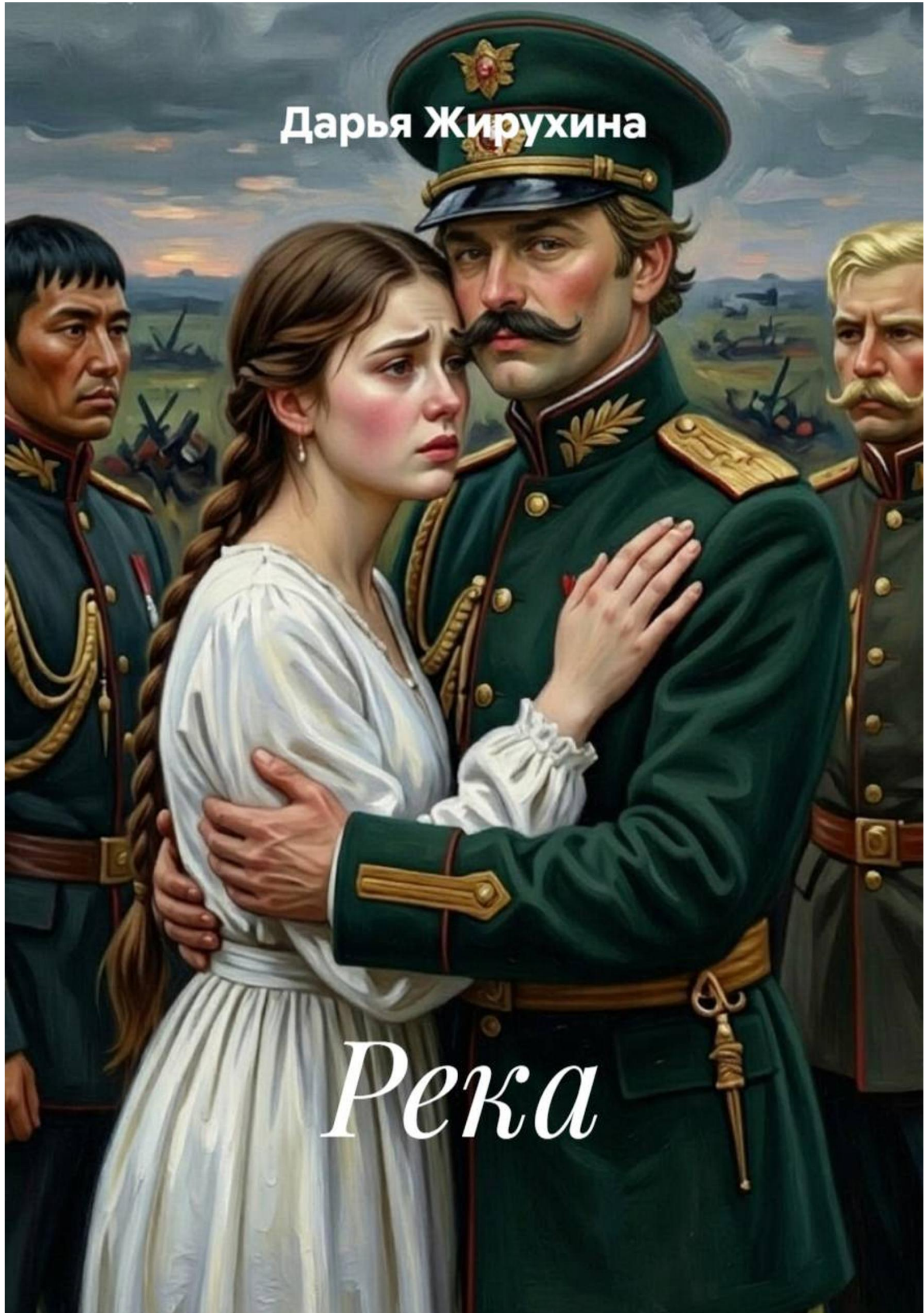

Дарья Жирухина

Река

Дарья Жирухина

Река

«Автор»

2026

Жирухина Д.

Река / Д. Жирухина — «Автор», 2026

В разгар Гражданской войны трое друзей — Алексей, Петро и Буджал — возвращаются домой с Первой мировой. Они мечтают оставить позади битвы и обрести мирную жизнь, но судьба втягивает их в водоворот событий, где личные чувства сталкиваются с жестокой реальностью революции и её последствий. Завязавшийся роман Алексея и знахарки Агафьи, зависть Петро, противостояние с местным большевиком Семёном Егорычем — всё это запускает цепь драматических событий. Путь героев лежит через любовь и предательство, дружбу и ревность, надежды и утраты, испытание ГУЛАГом. Через годы и потери от надежд юности герои доходят до горьких прозрений зрелости. История прослеживает судьбы людей на протяжении почти двух десятилетий и показывает, как исторические катаклизмы разрушают человеческие отношения, а тёмные стороны души — зависть, страх, ревность — ведут к необратимым трагедиям. Эта история о том, как время проверяет человека, и не каждый этот экзамен выдерживает.

© Жирухина Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
ЧАСТЬ 1.	6
Глава 1. Прибытие.	6
Глава 2. Порожки.	12
Глава 3. Встреча.	19
Глава 4. Реванш	26
Глава 5. Погоня.	34
ЧАСТЬ 2.	39
Глава 1. Агафья.	39
Глава 2. Лазарет	45
Глава 3. Отец Тимофей	53
Глава 4. Доля	59
Глава 5. Зараза	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Дарья Жирухина

Река

Глава

Оглавление

Часть 1.

Глава 1. Прибытие

Глава 2. Порожки

Глава 3. Встреча

Глава 4. Реванш

Глава 5. Погоня

Часть 2.

Глава 1. Агафья

Глава 2. Лазарет

Глава 3. Отец Тимофей

Глава 4. Доля

Глава 5. Зараза

Глава 6. Пробуждение

Глава 7. Уговор

Глава 8. Эйфория

Глава 9. Разлука

Глава 10. Польша

Часть 3.

Глава 1. Дом

Глава 2. Зачин

Глава 3. Земля

Глава 4. Воссоединение

Глава 5. Откровение

Глава 6. Хворь

Глава 7. Провидение

Глава 8. Свадьба

Глава 9. Хутор

Глава 10. Желание

Часть 4.

Глава 1. Течение

Глава 2. Противостояние

Глава 3. Гость

Глава 4. Рок

Глава 5. Недоля

Глава 6. Ерево

Глава 7. Отчаяние

Глава 8. Безысходность

Глава 9. Жернова

Глава 10. Голос

Эпилог

Послесловие

ЧАСТЬ 1.

Глава 1. Прибытие.

1919 год.

Где-то в кустах раздался хруст.

Алексей открыл глаза и быстрым движением приподнялся с земли на локоть. Офицерская выучка и врожденная осторожность не подводили никогда. Огляделся: никого. Слышно только, как на верхушке сосны самозабвенно стучит дятел. Видимо, добывает себе завтрак.

Завтрак. Мысль о еде пробудила сосущую боль в желудке. Скромные запасы пищи, которые они взяли во время последней стоянки в одной из деревушек, закончились еще вчера утром. На маленький отряд из трех человек осталась только фляга воды. Если сегодня они не дойдут до какого-нибудь поселения, дела плохи.

Алексей стряхнул с себя остатки сна и сел на землю. Раннее утро. Зябко. Правый бок обдало холодом. Да, спать на мокром мху оказалось не самым большим удовольствием в его жизни, но делать было нечего - ночь застала их аккурат в лесу. Радовало, что на дворе лето, волки и медведи сытые, никто не потревожил. Однако то, что вся форма по правой стороне промокла, было нехорошо.

Офицер обвел взглядом небольшую полянку, на которой они вчера сделали привал. Товарищи спали крепким солдатском сном, изнуренные долгой войной и тяготами пути - пути домой.

Чуть больше года назад их полк, сражавшийся на Восточном фронте, расформировали. После постыдного заключения мира в Империалистической войне потерявшие боевой дух солдаты ничего не хотели, кроме как вернуться домой и начать жизнь заново. Даже если дома уже нет. И пусть воевали офицеры далеко в полях Европы, но и там они знали, что на родине открылся «второй фронт». Гражданский. Они слышали о революции, расстреле царской семьи и последовавшей за этим кровавой междоусобице, однако сами воины не были ни белыми, ни красными. Там, в Пруссии, они были русскими и воевали за Родину, да и некогда было на войне разбираться в идейных противостояниях.

И вот теперь офицеры возвращались к своим семьям.

Путь домой оказался долгим и сложным. Большую часть дороги приходилось двигаться пешком или на попутных повозках, поскольку транспортное сообщение практически отсутствовало, все было нарушено и разрушено. К тому же, Петроград находился в осаде, Северо-Западная армия генерала Юденича при поддержке британского флота и эстонской армии наступала на город, силясь выдавить оттуда большевиков. Боевые действия шли в лесах и селах вокруг бывшей столицы, потому в округе было очень неспокойно. Идти приходилось медленно и осторожно, чтобы не нарваться на сражения, в которых не хотелось принимать участия, и на красных.

Дело было в том, что офицеры уже устали от войны. Все свои силы они оставили в Восточной Европе, борясь с очевидным врагом, и проливать русскую кровь не желали. Мужчины хотели вернуться домой и жить обычную жизнь, не принимая участия в братоубийственной схватке. К тому же, в ней не было очевидности, выбрать лагерь было крайне сложно. Всю жизнь служившие царю, они как будто должны были занять позицию белых, боровшихся с большевизмом, но не станет ли это предательством Родины? Ведь своими действиями сторонники империи приводят в страну чужаков, интервентов, а это ставит под угрозу государственную целостность. А если примкнуть к красным, сражавшимся с этим внешним врагом, что тогда? Не предательство ли это себя и всей своей прежней жизни? Все-таки именно они убили царя, раз-

вязали бойню внутри страны, грабят народ на нужды социализма. С какой же стороны правда? Размышления не давали мужчинам покоя.

Так и шли офицеры лесами и полями, изредка заходя во встречавшиеся по пути деревни. Только несколько месяцев назад они отбили у напавших на них большевиков коней, и путь стал немного легче.

Красные остановили их на подступе к одному из хуторов. Поинтересовались, кто такие и откуда, к какой стороне принадлежат, устроили идеологический допрос. Узнав, что перед ними бывшие офицеры царской армии, по общей обязательной повинности, объявленной товарищем Троцким, не вступившие в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, большевики быстро отнесли их к разряду уклонистов и дезертиров, правилами военного времени приговаривая к расстрелу на месте. На всякий случай. Для успокоения души. Завязалась перестрелка, и маленький отряд красных пал, а Алексею и его товарищам достались кони.

Мужчины продолжили путь домой, не зная, что их там ждет. Жизнь ли, смерть ли или новая война и мучительный выбор стороны.

Странное время настало. Не было теперь среди людей братьев и сестер, друзей и товарищей. Были только красные и белые. И то, к какой стороне примкнешь, определит твою жизнь. Казалось, что все вековые устои пошатнулись и мир катится в бездну, ненасытно пожирая человечество. Не было того, кто не потерял бы в этой агонии кого-то близкого или не утратил веру в собрата. Казалось, что все рушится и не осталось ничего, во что ты верил, ничего, на что возлагал надежды. В какую-то адскую пропасть провалилось все то, что согревало сердце. Но, как спасительный оплот, осталась офицерская честь. Она не подведет.

Алексей тяжело вздохнул и окончательно встал с лесного ложа. Звонящую тишину утреннего бора нарушал только храп спящих солдат и нетерпеливое фырканье коней, уставших отгонять от себя комаров и мошек. Сквозь стройные ели и сосны легкими бликами пробивалось солнце. На пучках травы, то тут, то там выглядывающих из мшистых кочек, алмазной россыпью мерцала роса. Черничные ветви уже тянули к светилу свои бутоны в немой просьбе напитать их силой, и один из них, с гулким жужжанием летая вокруг, облюбовал полосатый шмель. Алексей невольно залюбовался работой этого трудяги: мохнатый опылитель уделял внимание каждому цветку и цепкими лапками собирал с них нектар, даже не догадываясь о том, что участвует в великом процессе жизни - опылении. Каждая его ворсинка переливалась в лучах солнца, а испещренные прожилками крылышки, пропуская свет, напоминали затянутае бычьими пузырями окна деревенских домишек. От этой ассоциации мужчине стало грустно. Накатила тоска по дому.

Алексей перевел взгляд на лес. Ощущение всепоглощающего одиночества накрыло его с головой. А потом пришла злость. Злость на бездарное командование, из-за которого война окончилась так унижительно, за политическую недалекость тех, кто не предвидел угрозу, когда она была очевидна, кто не позаботился об усилении страны развитием промышленности. Злился на большевиков, свершивших революцию и раздувших пламя гражданской войны. А еще злился на товарищей, которые через Новороссийск предпочли уплыть в эмиграцию. Скольких друзей он потерял павшими и бежавшими! Он не мог понять, как великая и гордая царская армия могла докатиться до того, чтобы бежать, сверкая пятками. Он не побежал. И двое тех, кто крепко спит на поляне, не побежали. Они предпочли вернуться домой и попытаться найти родных. Начать жизнь заново при новой власти. Если получится.

Блуждающий взгляд остановился на вековой ели, корни которой массивными лапами глубоко ушли в землю. «Вот уж елки точно знают толк в жизни», - подумал Алексей. Очень уж дерево напоминало ему человека, который в настигшей его жизненной буре всеми силами пытается устоять. Удержаться. Вот почему так важны корни.

Мысли его обратились к семье. Остался ли в живых кто из родных, он не знал. Уже очень давно мужчина не получал из дома вестей, но надо признать, что они до фронта обыкновенно

и не доходили. Особенно с тех пор, как произошла революция и началась анархия. Только на отсутствие порядка на местах он и надеялся, не имея никакой весточки из дома. Единственной и самой заветной его мечтой было, чтобы его родня выжила.

Снова хруст.

Уже ближе.

На этот раз товарищи Алексея тоже его услышали. Сон с них как рукой смахнуло. Они подскочили и, схватив ружья, заняли оборонительную позицию. Спина к спине, чтобы видеть поляну со всех сторон.

- Петро, на тебе левый фланг, Буджал – на тебе правый и кони, - отдал команду соратникам Алексей. - Я в разведку.

Двое мужчин безмолвно кивнули.

Петр, которого чаще всего называли Петро, являлся земляком Алексея. Они оба происходили из села Ванино Тихвинского уезда Новгородской губернии, вместе по общему сбору ушли на фронт и плечом к плечу прошли войну. Это был крепкий широкоплечий мужчина тридцати лет, каждый мускул которого источал силу и уверенность. Настоящий богатырь, не иначе. Дайте ему в руки меч, и вот вам оживший из былин Добрыня Никитич. Пшеничного цвета волосы, воздушным чубом спадавшие на широкий лоб, оттеняли глубокие голубые глаза, добавлявшие офицеру романтического шарма. Следует отметить, что при таких природных данных Петро не был обделен женским вниманием, чем он и пользовался с завидной регулярностью. Это помогало забываться.

Того же нельзя было сказать о Буджале. Буджал, или на русский манер Буджа, был чистокровным калмыком. Обладая именем, означающим «мудрость», утешение он находил не в женщинах, а в размышлениях о бренности бытия, смысле жизни и происходящих событий. Уходя на войну из Манычского улуса, он взял с собой своих бурханов – маленькие фигурки Будды и духов-хранителей, которые и сейчас были при нем. Будучи, в отличие от Петро, небольшого роста и не такого крепкого телосложения, он удивительно преображался в моменты, когда доставал статуэтки из полевой сумки, раскладывал на белом куске материи и начинал молиться. Такое величие нисходило на него, что казалось, будто он увеличивается в размерах. В подобные моменты никто из окружающих не решался его беспокоить. Складывалось ощущение, что, побывав в высших сферах и наполненный верой, он был способен на все. Его миндалевидные карие глаза всегда были спокойными и источающими мудрость. Казалось, они видели больше, чем другие, проживали больше, чем другие, потому у Буджала всегда находились силы понять каждого и найти для него слова утешения.

Воевать он пошел, потому что пришлось. Из каждой второй кибитки забирали в солдаты, и по их правилам первый мужчина в семье призывного возраста должен был пополнить ряды войска Донского. Однако старший брат Буджала схватил лихорадку, и младший вызвался за него. Теперь он пытался вернуться домой, в родные степи, но товарищи уговорили его сперва погостевать у них и набраться сил перед долгим путешествием в Поволжье. Тем более что там сейчас было очень неспокойно.

Петро и Буджал стояли, готовые к атаке из леса. Скрываться за кустами мог кто угодно: дикие звери, мародерствующие на дорогах разбойники или озлобленные большевики, почувствовавшие вкус власти и готовые растерзать отставного офицера. Удивительно, что их маленький отряд до сих пор особо никто не тронул.

Алексей осторожно продвигался вперед к кромке леса, откуда минуту назад доносился звук. За кустами, росшими на краю поляны, слышалась какая-то возня. Офицер взвел курок, готовясь в случае опасности выстрелить. Копшение приближалось. Уже отчетливо гулко ощущались чьи-то шаги. Прислушавшись, мужчина понял, что звериные. Пара секунд, и ветки кустов зашевелились, готовясь исторгнуть из себя того, кто с громким хрустом ломал их, стре-

мительно приближаясь к людям. Алексей встал на одно колено и сделал глубокий вдох, готовясь стрелять.

Выдох.

Из кустов, вся в репейнике, выскочила большая собака, волоча за собой служившую поводком веревку. Дружелюбно виляя хвостом, она остановилась и смотрела на солдат, то и дело скуля и поворачиваясь в сторону леса. Алексей выругался и опустил ружье.

- Ребята, это собака. Да еще и домашняя, видали поводок? – обратился он к товарищам. – Значит, где-то недалеко уже поселения.

- Тфу ты черт, напугала, - сердито сплюнул в сторону Петро.

- Ага, но мне кажется, этот пес от нас что-то хочет, - проникательно глядя на животное, сказал Буджал. – Посмотрите, как он нервничает. Ему что-то надо. Эй, малыш, ты зачем к нам пожаловал?

Назвать собаку малышом было сложно, но в этом был весь Буджал, любивший и понимавший с полуслова братьев наших меньших. Он сразу почуял, что пес прибежал к ним не просто так. Он хочет что-то показать.

Поняв, что к ней обращаются, животное посмотрела на калмыка большими умными глазами, а потом звонко гавкнула и забегала вокруг своей оси, истошно тявкая в сторону леса.

- Братцы, надо идти, она нас зовет, - сказал Буджал.

- Да, Буджа, согласен, - отозвался Алексей. – Пошли. Петро, останешься с конями? Нам их все равно через эту чащу не провести, а за ними присмотр нужен. Думаю, что мы ненадолго, не могла она издалека прибежать.

- Ну, коли так... Побуду. Только вы постарайтесь не задерживаться, - нехотя ответил Петро, не очень довольный своим поручением.

- Добро, - сказал Алексей, и они с Буджалом направились туда, куда звала их собака. – Мы пошли.

Обрадованный пес стремглав помчался в лесную чащу, офицеры – за ним. То и дело животное останавливалось, ожидая, пока менее проворные люди ее догонят. А им и правда приходилось едва ли не бежать за псом. Примерно через полчаса, с усилиями преодолевая бурелом, они вышли на ничем не примечательную прогалину. Солнце уже было почти в зените. Припекало. Собака, выбежав на середину поляны, вдруг села и, устало высунув язык, уставилась на людей.

- Ну и зачем ты нас сюда привела? - раздосадовано прикрикнул на нее Алексей.

В ответ он получил отборную порцию заливистого собачьего лая.

- Э-эй, здесь кто-нибудь есть? – вдруг откуда-то, словно из-под земли, послышался едва слышный голос.

Собака забегала по кругу.

Приглядевшись, друзья обнаружили, что в центре поляны находится добротная охотничья яма, умело замаскированная ветками и свежим мхом. Именно вокруг нее мечется животное. Крик шел оттуда.

Алексей и Буджал бросились к провалу, к которому так отчаянно все это время вела их собака, и увидели на его дне маленького, высохшего от времени и нелегкой жизни седого человека. Перебирая пальцами длинную белую бороду, он сидел между кольев, старательно приготовленных охотниками для медведя, чудом уцелев при падении. На вид ему было десятков шесть.

- Сынки, - неловко улыбаясь, обратился он к офицерам. – Пожалуйста, помогите мне выбраться. Я чай провалился в яму-то охотничью, а вылезти самому не могу. Вот справил Пушка за помощью, чтобы людей сыскал.

- Ну, отец, ты даешь. Один в лес ушел, да еще и в такую рань, - выговаривал старца Алексей, протягивая ему руку. - А если бы напоролся на колья или помощь не пришла? Держись за меня, вытаскивать будем.

Мужчина покрепче уперся ногами в землю, чтобы вызволить несчастного из ловушки. Буджал встал рядом с ним и последовал его примеру.

- А я не один, - простодушно отозвался дед, подавая своим спасителям маленькие жилистые руки. - Со мной Пушок.

- Да уж, такой Пушок, что скорее лось, весь лес примял, пока за нами бегал, - посмеялся Буджал, удобнее ухватывая старика за запястье. - Хорошая собака. Повезло тебе, старик. Она спасла тебя.

Вдвоем офицеры, не прилагая больших усилий, быстро вытащили тщедушного деда из ямы. Поставили на ноги, отряхнули.

- Спасибо вам, сынки, храни вас Бог, - обратился к служивым спасенный. - И тебе спасибо, Пуша.

Дед ласково потрепал собаку по загривку. Пушок довольно подставил ему свою морду, как бы ожидая награды за нелегкий путь, который он проделал в поисках помощи. Все-таки миссию свою он выполнил.

- Как звать-то тебя, отец? - спросил Буджал.

- Митяем, сынок, - отозвался дед. - Как я могу отблагодарить вас за свое спасение?

- Да никак, дед Митяй, - ответил Алексей. - Лучше подскажи нам, где здесь какое-нибудь поселение поблизости.

- Да в версте отсюда есть село, - радостно затараторил дед, желая быть полезным. - Давайте я вас отведу. К себе в дом приглашаю. Отдохнете, сил наберетесь и дальше путь держать будете, куда бы вы там не шли. Только одежду бы вам другую надо, чтобы внимание не привлекали дюже. А то беспокойное время сейчас. Сами понимаете небось. Хозяйка моя вам справит.

- Разумно говоришь, старче, - задумчиво промолвил Алексей. - Сами об этом думали, только разжиться одежкой простой так по пути нигде и не удалось. Спасибо тебе на добром совете и крове.

Так и порешили.

Через полчаса офицеры с нежданно-негаданно обретенным проводником уже вернулись на поляну, где оставили Петро. Он с интересом выслушал историю товарищей и, обрадованный известием о близости к селу, первым побежал собирать лагерь. Собственно, собирать-то было и нечего: походный котелок, несколько ложек и солдатская сумка. Коня тоже были готовы отправиться в путь, ибо их никто и не расседлывал. Было бы глупо снимать снаряжение с коня в условиях, когда на тебя в любую минуту могут напасть.

Собрав свои скудные пожитки, путники по старой русской традиции решили посидеть на дорожку. В животе у Петро гулко заурчало. Он раздраженно потер брюхо, мысленно сетуя на то, что они застряли в этих дебрях без еды. Но помощь пришла, откуда не ждали: дед Митяй, услышав зов изголодавшейся солдатской утробы, закопошился в своем затасканном обветшалом кафтане и ко всеобщему удивлению вынул из него полкраюшки хлеба.

- Ребятки, у меня маленько хлебушка есть, жинка моя испекла давеча, не серчайте, что больше ничем угостить не могу, - с этими словами он протянул ароматный кусок хлеба своим спасителям. - Не побрезгуйте отведать.

Простота и сердечность, с которыми этот высохший от невзгод человек протягивал едва знакомым людям возможно последние крохи хлеба, тронула офицеров. Как ни крути, какая бы вакханалия не разыгрывалась в мире, простой русский человек до конца остается вот таким искренним и даже жертвенным. Отказаться от угощения, хоть и понимая, что это может быть

последняя еда старца, мужчины не могли. Они были не в силах обидеть человека, от всего сердца протягивавшего им этот бесценный дар.

- Спасибо тебе, старче, - Алексей с поклоном принял у старика хлеб. – Мы никогда не забудем твоей доброты. И мы действительно голодны.

Он улыбнулся, подумав, насколько сильно человек зависит от набитого брюха, а затем разделил хлеб между всеми на лужайке. Деду Митяю мужчина отломил кусок побольше.

Каким же вкусным оказался этот простой крестьянский хлеб! Алексей, Петро и Буджал смаковали свои порции, стремясь растянуть удовольствие от неожиданно пришедшей еды. Желудки просили еще, но люди были благодарны и за ту малость, которую получили. Дед Митяй, повертев в руках свой кусок, разделил его с собакой. Не забыл он верного друга, спасшего ему жизнь. Пушок схватил горбушку и, активно работая челюстью, с рыком удовольствия умял ее, чем вызвал у смотревших на него людей приступ добродушного смеха.

- Тоже изголодался, поди, - хмыкнул Петро, помаленечку откусывая от своего ломтя.

- Ну конечно, столько по лесу бежать, тут и лося сожрать захочется! – весело ответил ему Буджал. – Ему эта горбушка – что слону дробина!

Пес с осуждением посмотрел на говоривших про него мужчин. Взглянув в его глаза, можно было подумать, будто он понимает смысл сказанного и обижается, что его обвиняют в обжорстве.

- Не, Пуша много не ест, - заступился за него хозяин. – Он уже привык, что еды вдоволь таперича почти ни у кого и нет!

Пес благодарственно потерся о ногу старика, проскулив на своем собачьем языке тоненькое «спасибо».

- Тяжело в деревнях? – спросил Алексей, закидывая в рот последние крошки.

- Да как и везде, сынок. Как красные пришли, так у нас, и без того небогатых, почти ничего и не осталось. Как-то живем.

Мужчина кивнул, понимая, что нищета теперь стала постоянным спутником деревень. Если раньше можно было еще хоть как-то хозяйство сколотить, то теперь уже вряд ли: забирают практически все.

Закончив с трапезой, путники сели на коней и отправились к обещанному дедом селу. самого проводника посадили за спину Буджалу, поскольку его скакун был под стать хозяину: самый спокойный из всех.

По лесной дороге, проматой повозками, они шли около часа. В этих краях было относительно спокойно, потому что боевые действия разворачивались преимущественно возле Петрограда, а мужчины же уже вступили в родные земли Новгородской губернии, которые с прошлого года передали во вновь образованную Череповецкую. Сколько развилок они прошли и поворотов сделали, не упомнить. Офицеры понимали, что сами бы они еще долго плутали в этом лесу. Даже несмотря на то, что чувствовали приближение дома и знали, что уже находятся на территории своего родного уезда. «Бурханы послали нам помощника, братцы, - сказал Буджал, направляя коня вперед. – Это хорошо». И Алексей с Петро соглашались: да, без Бога не обошлось. Значит, рано им еще пропадать без вести в болотах, нужны они еще этой жизни за чем-то. Преданный Пушок все это время бежал рядом с конем Буджала, сосредоточенно оглядывая лес и охраняя своего хозяина.

Густая широколиственная чаща, все время плотно державшая оборону, потихоньку стала редеть. Из-за стволов деревьев вдалеке едва заметно пробивалось поле. Спустя еще минут десять впереди показался печной дым.

Приехали.

Глава 2. Порожки.

Село, в которое прибыли путники, оказалось больше, чем они себе представляли. Здесь было порядка трех десятков домов, своя церковь, мельница на реке и господский дом. До революции в нем жила помещичья семья, которая спешно покинула его сразу после октябрьских событий в Петрограде. Сейчас, за исключением нескольких комнат на первом этаже, которые красные заняли под свой Комитет бедноты, дом стоял пустым. Стекла были выбиты, а распахнутые двери амбара напоминали большой расквашенный рот, который, безобразно жамкая губами, рассказывал, как из него растащили все зерно и прочие барские припасы. Поговаривали, что во время бегства помещик не смог унести с собой все драгоценности, и где-то на территории его обширного сада зарыт клад. Это стало местной легендой и наваждением для тех, кто мечтал о быстром обогащении. Однако, даже если бы кто-то из сельчан и нашел золото и бриллианты, то выручить за них денег все равно бы не сумел: представители новой власти быстро узнавали о попытках продажи «буржуйских цацек» и вызвали на разговор. В лучшем случае. В худшем – расстреливали на месте. Поэтому народец ночами что-то копал на задворках особняка, но без особого энтузиазма.

Вид оставленного поместья, разграбленного, обветшавшего, как будто оплакивающего свою прежнюю жизнь, навел на Алексея тоску. Проезжая мимо него, офицер почувствовал щемящую грусть внутри. Душа съежилась от давящего грудь ощущения, что как прежде уже никогда не будет. Он не был на стороне помещиков, большинство из которых являлись эксплуататорами и деспотами, но и не был за то, чтобы их убивали или выгоняли из собственных домов. Мужчина искренне сопереживал крестьянам, потому что сам был из таких, понимал, насколько тяжела их доля, но при всем при том насилия не оправдывал. Он считал, что в жизни должен быть баланс.

Алексей происходил из рода зажиточных крестьян Теплухиных. Его отец Иван своим трудом сколотил небольшое, но уверенное состояние, позволявшее семье жить в достатке. Будучи ремесленником и человеком высокой творческой одаренности, он умел делать изящные безделушки и предметы обихода, которые ценились в округе: глиняная утварь, плетеные корзинки, свистульки для детей и украшения для дома. В работе ему помогала супруга Анна, которая могла причудливыми узорами разукрасить все, что он делал. Ее врожденный художественный вкус оживлял каждый предмет, вышедший из рук супруга, наделял его своей историей, характером, жизнью. Поэтому товары, которые семья привозила на сельскую ярмарку, очень ценились. Кроме всего прочего, они держали неплохое хозяйство: коня и двух коров, а также трех поросят, выводок кур и пару-тройку коз. В их владении также имелся небольшой участок земли, который после отмены крепостного права был выкуплен их предками. На нем они выращивали овощи и сеяли зерно. Жили неплохо. Не богато, как помещики, но и не нуждались. И всегда учили сына, что все в жизни дается только упорным трудом, и успех – это исключительно результат работы над собой. «Если хочешь жить в достатке – трудись», – завещал отец. И маленький Алеша трудился. Повторял за родителями, осваивал ремесла, приучался к домашней работе. И это не раз помогло ему в жизни.

К 10 годам мальчик уже умел если не все, то очень многое, и родители часто оставляли его на хозяйстве. Когда они уезжали на ярмарку торговать, он назначался главным в доме и очень этим гордился. В его обязанности входило следить за порядком и младшей сестрой, с чем Алеша успешно справлялся. В такие моменты к нему обязательно прибегал его дружок Петя, который был здесь частым гостем, и они втроем играли во взрослых и стерегли хозяйство. Семья у Петьки Степанова не была зажиточной, отчасти поэтому ему очень нравилось приходить в гости к Алексею и играть с домашним скотом, доброй части которого у него не

было. К тому же, сердобольные родители Алеши его всегда угощали чем-нибудь вкусным. Так они и росли, бок о бок.

Теперь от этого счастливого безоблачного детства не осталось и следа. Алексей вырос и по воле судьбы стал офицером русской императорской армии. Даже медаль получил. За храбрость.

Сейчас по сельской дороге на гнедом коне ехал красивый мужчина средних лет. Он был крепкого телосложения, невысокого роста, его мускулистую фигуру аккуратно подчеркивала повседневная форма Императорской армии. Оранжевые нашивки на погонах шинели говорили о занимаемом чине – младший унтер-офицер гвардии Его Величества. Из-под фуражки с кокардой, надвинутой на широкий лоб, выбивались отросшие в пути густые русые волосы, которые за годы службы Алексей привык стричь коротко. Теперь они непослушно лежали на висках и прилипали ко лбу, но это совсем не портило мужчину. Наоборот, в сочетании с аккуратными усами это наделяло его суровый солдатский образ долей легкости и обаяния. Отдельной привлекательности Алексею добавляли густые черные брови, которые на контрасте с песочными волосами давали непривычное для северных краев сочетание: видимо, в каком-то далеком колене, которое уже никто и не упомянет, подмешалась южная кровь. Брови изгибались острой ломаной линией, придавая смотрящим из-под них серым пронизательным глазам ощущение силы и уверенности. Они были выражением непреклонного характера своего обладателя и его целеустремленности. Смягчало это впечатление нависшее веко, добавлявшее и без того выразительным глазам цвета стали глубины и мудрости.

На фоне отжившей свой век разграбленной барской усадьбы трое служивых выглядели как плохая шутка злой судьбы. С этим помещичьим домом можно было сравнить всю рухнувшую Империю, которой они преданно служили. Подумать только, старый государственный строй обрушился так же быстро, как опустело это поместье. На смену ему пришел новый, равно как и в эти пустующие стены явились иные хозяева.

Поддерживал ли Алексей большевиков? Скорее нет, чем да. Он разделял их стремление дать землю крестьянам и фабрики рабочим, но был категорически против методов, которыми действовали красные. Мужчина не одобрял того, что новая власть гребла всех под одну гребенку и одинаково обирала каждого. Наравне с помещиками практически все изымалось у бедняков, которых голод и так гнал к отчаянию, у середняков, своим трудом сколотивших маленькое, но крепкое хозяйство. А ведь они не эксплуатировали других крестьян, почему их грабят, словно господ? Справедливости в этом он не видел. Уравняли так уравняли. Алексею не хотелось, чтобы все то, что его семья нажила собственным трудом, кто-то пришел и забрал. Просто так. Потому что правила игры теперь другие.

Еще одной причиной, почему он не одобрял красных, было убеждение, что у власти должны стоять образованные и дальновидные люди, а большинство вставших теперь у руля на местах и грамоты не знали. Зато спеси и самодурства было не меньше, если не больше, чем у так горячо нелюбимых ими господ. Алексея это приводило в смятение и даже в раздражение. Но он понимал, что это новая реальность, в которой ему предстоит устраивать свою судьбу, и с ней надо уживаться. Если, конечно, белые не отобьют Петроград, во что он не верил, оценивая их общие успехи. Да и будет ли лучше, если империалисты победят?

- Селище это чай Порожками зовется, - из тягостных дум Алексея вывел суховатый голос деда Митяя.

- А почему так называли, отец? – задал вопрос Буджал, с любопытством разглядывая поселение.

- Потому что тут река в одном месте в пороги уходит, сынок, - ответил провожатый. – Бежит-бежит гладенькая, как масличко, а потом как начнет бурлить и кипеть, что аж дух схватывает. А то потому, что камни под ней, она об них спотыкается и сердится, не нравится

ей это, вот и бурлит. Умные люди это порогами называют, потому что на дверной порожек похоже, об который так же споткнуться може. Потому и село Порожками покликали.

Старик замолчал, как будто что-то припоминая. Задумался, словно оценивая, стоит ли озвучивать внезапно пришедшие мысли, но спустя мгновение продолжил.

- Прямо перед водопадиной, что на краю деревни, мельница наша стоит. Она работала доже много годков, покамест род помещичий тут жил. Они управляли, а где силушка нужна была, батраков из местных нанимали. Не обижали баре нас никогда, в хатах всегда зерно и мука были, за труд их давали.

По лицу старика пробежала грусть. Он шмыгнул носом, с громким хрюканьем вытер его рукавом и продолжил:

- А теперь она стоит как бельмо, сгнивает только без догляда. Мы-то не шибко умные, как ее ворочить, не знаем. Новая власть тоже все вокруг нее ходила, репу чесала, а так ничего и не додумалась. Бросили ее.

Дед Митяй замолчал и пару минут задумчиво глядел на проплывающую под ним землю. Пережив чувства, вызванные нахлынувшими воспоминаниями, он заговорил вновь:

- С тех пор у нас муки хорошей и не бывает, бабы сами в домашних жерновах перетирают зерно, когда оно случается, но не сравнить это с господской мукой. И с зерном беда: барские поля-то мы все равно пашем, вот только теперь у нас все подчистую отбирают. Радуетесь, если умынкул чуток и не заметил никто. Вот так и живем.

- Вам теперь хуже, чем прежде, живется, отец? – спросил Алексей.

- Как сказать, сынок, - пожимая плечами, ответил старик. - Раньше мы очень тяжело трудились, но зато в наших хатах хоть что-то было. Ноне мы трудимся так же тяжело, но за это у нас нет ни шиша. Еще и изымают последнее из дворов. Голод у них там в городах. А у нас нет голода? Мы так же с голодухи пухнем, только с нас все жилы все равно тянут. Може, оно и верно, что все у нас так поменялось, ибо не всюду баре добрые были, как наши. Може другим шибко туго было и таперича, даже при этих обираниях, им лучше живется. Тогда грешно нам жаловаться, може потерпеть. А може и нет. Кто ведает, что из этой новой управы получится. Пока только в уши лютеть о равноправии, хорошей житухе, но сейчас ихнее равноправие – это только отобрать все и у всех. Может им просто самим туго таперича, дальше они и нам помогать начнут. Один Боженька ведает.

- Да, отец, - задумчиво начал Петро. – Одному Богу известно, что будет дальше. Может и лучше будет, а может и нет. Сложно сейчас в будущее глядеть, но то, что все поменялось без возврата – это к бабке не ходи.

Дружная процессия ехала по песчаной дороге. Как они сами думали, по главной улице поселения. Из-за заборов своих дворов на них любопытно, но опасливо выглядывали люди - нечасто в этих краях увидишь конную процессию офицеров. Диковинка. В сторону одной из хат с коромыслом на плече дорогу переходила женщина. От ее тяжелого шага деревянные ведра мерно покачивались, из них крупными каплями выплескивалась вода. Вдруг Пушок, весело виляя хвостом, со всей дури подбежал к селянке и начал радостно прыгать возле нее, таякая во все собачье горло.

- Пушок, охолони! – строго, но мягко прикрикнула на него женщина. – Иначе сейчас ведро воды на тебя вылью, и будешь как курень облезлый ходить!

- Тихо ты, Пуша, не кричи, - обратился к нему хозяин. – Ко мне!

Женщина остановилась и снизу вверх осмотрела пришлых.

- Слухай, Митяй, а кого это ты привел? – обратилась она к земляку. – Чай ни одного лица знакомого.

- А тебе какая нужда, Михална? – по-хозяйски оборвал любопытную дед Митяй. – Твое дело ведра тащить и воду не расплюхать. Вот и иди отседова! Любопытная какая нашлась. Не суй свой бабий нос в мужчиновы дела!

- Вона как, ну-ну, - хмыкнула женщина и поудобнее подкинула коромысло на плечи. – Осторожнее будь. Сам знаешь, каково чужих приводить.

- Знаю. Шагай уже!

Важно качнув пышными бедрами, селянка бросила на старика полный недовольствия косой взгляд и отвернулась, направляясь к своей хате.

- Кстати, про чужих, - немного помолчав, заговорил дед. – Вам бы надо к местному председателю наведаться. Показаться, что вы проездом. Все равно прознают, что в село офицеры приехали, та же Михална растреплет, а они дюже как не любят вас, сынки. Вы для них как два пальца в глотку, вызываете тошноту и трясучку. Бояться они таких, как вы, особенно если вы не из красных. Трухают. А у меня сын из ваших, – старик на мгновение замолчал, но затем продолжил, - Дабы они вас не трогали, лучше самим прийти, чтобы узрели, что намерения у вас не враждебные. Но это завтра с утречка. Уже время обед, сначала поесть, поспать и переодеться надо.

- Как скажешь, отче, - ответил ему Алексей. - Если ты считаешь, что так лучше, то сходим, хоть мы и не думаем у вас надолго задерживаться.

Старик кивнул и махнул рукой, указывая в сторону маленькой покосившейся избы, стоявшей в середине улицы.

- Мы приехали. Вот моя хата.

Обветшалый домишко был окружен забором, плетеным из ивовой лозы. Плотной вязью ограду опутывал полевой вьюн. В это время года живая зеленая изгородь уже была усеяна белыми цветами, по своей форме напоминавшими граммофон. Несмотря на свою простоту, за счет цветов этот палисад был одним из самых красивых на улице, чем дед Митяй очень гордился.

- Кхе-кхе, видали где такую плетенку цветастую? – гордо выпрямившись и довольно улыбаясь, сказал старик. – То жинка моя начудила. Хочу, говорит, красивый двор. А я ей, пошто он тебе на старости лет, и так сил нет уже дела хозяйственные делать, а тут еще цветник на заборе. Кумекал, что дурь это. А она уперлась. Накопала в поле вьюна, как только снег сошел, высадила под плетенку, и вот он как разросся. Красиво дюже. Я сперва думал, что заскоки это бабы, а таперича самому глаз радует. Ни у кого такого больше нема! Вот что значит женщина.

- Да, молодец твоя хозяйка, - снисходительно улыбаясь, ответил Алексей, спешиваясь у калитки. – Красивый забор сделала. Только подскажи, старче, куда коней-то заводить?

Под разговоры о заборе они подъехали к самому дому.

- А ты заводи за воротца, там к березке привяжем. Сеней просторных нет, не сердчайте. Сейчас все покажу, - ответил провожатый.

Дед Митяй довольно проворно для своих лет соскочил с коня и в сопровождении хвостатого провожатого посеял к неприметной калитке, которая одна не была увита растениями. Старик распахнул ее и впустил путников внутрь. После собаки: все-таки Пушок, как вихрь, ворвался первое.

Трое офицеров ввели своих коней в небольшой, но аккуратный двор. Посередине его стоял хозяйский дом, а вокруг находились маленькая банька и пара пристроек. Вероятно, раньше они служили хлевами для скота, но после прихода к власти большевиков зверья почти не осталось. Только две потрепанные курицы и не менее жалкий петух бегали по двору, а в поле, как сказал старик, паслась старая и едва живая корова. Больше у них животинки не водилось. Трава на дворе была аккуратно выкошена, а на небольшом участке земли вокруг дома старик со своей женой пытались выращивать овощи. Виднелись грядки с репой, луком и морковью и все. На этом скромный урожай семьи заканчивался.

- Вы проходите, проходите, сынки, - суетился старик. – Марья, ну где ты там копошишься? Выходи, у нас гости!

Марьей звали жену деда Митяя. Гремя посудой и громко охая, она показалась на крыльце дома с чугуном в руках. Это была маленькая сухая старушка с толстой седой косой, перекинутой через плечо на грудь. Простое крестьянское платье было стареньким, но содержалось аккуратно, потому женщина выглядела очень опрятно. Край передника был поднят и заткнут за пояс, а на согнутом локте висело кухонное полотенце. Марья спустилась с крыльца, шаркая ногами в износившихся калошах, и направилась в сторону гостей.

- Митька, а кто это у нас? Откуда? – настороженно обратилась она к мужу.

Все-таки опасно вот так приводить в дом гостей, особенно из числа армейцев. Как бы вопросов от председателя не было, а то у него быстро до беды дойдет. Или вдруг это разбойники какие переодетые, которые их обманут и оберут. Опасные времена нынче.

- Это, жинка, друзья мои, они мне жизнь спасли! – хлопнув себя ладонью в грудь, сердечно-запальчиво воскликнул Митяй.

И он рассказал супруге всю историю, которая приключилась с ним в лесу. По мере того, как старик продвигался вперед в изложении событий, ее лицо становилось теплее, и, в конце концов, женщина окончательно поняла, что от этих людей зла не будет.

- Спасибо вам, сынки, - обратилась она к офицерам, которые уже привязывали своих коней к березе, росшей в углу двора. – Выручили моего деда! Вовек благодарны будем! – а потом, засуетившись, добавила. - Чего же вы стоите? Проходите в хату!

- Спасибо, хозяйка, - отозвался Петро. – Мы признательны вам за ваше гостеприимство! Постараемся шибко не стеснять и долго не гостевать.

- Ой, ну что вы, мы вам так благодарны, что оставайтесь, сколько нужно! – затараторила женщина. – С нас не убудет!

С этими словами все прошли в дом, оставив Пушка бегать по двору и гонять мух. Нарезавшись вдоволь, он, вывесив язык, подошел к оставленной для него миске с водой, жадно вылакал все до капли и лениво улегся в тени березы, по-хозяйски оглядывая кур и лошадей. Пока хозяина нет на дворе, он главный, ответственный за сохранность добра. Сторож.

Домик, в который вошел Алексей с товарищами, начинался с сеней, где хранился хозяйственный инвентарь. В углу виднелась собачья лежанка, собранная из соломы, старых тулупов и прочего тряпья. Рядом стояли деревянные миски с водой и едой. В холодное время года и при плохой погоде Пуша всегда приходил в сени и оставался там, чтобы не мерзнуть на улице. Все-таки в доме теплее, не дует.

Из сеней, открыв скрипучую дубовую дверь, гости прошли в прихожую, плавно переходившую в небольшие кухню и комнатку. Дом, как и все прочие в этих широтах, был построен по-северному: между горницами в нем не было дверей, чтобы тепло от печки равномерно распределялось по всем помещениям. Уединенность создавалась занавесками, висевшими в дверных проемах, которые днем собирались подхватом к косяку, чтобы не мешали ходить. В уголке, отведенном под кухню, стояла небольшая беленая русская печь с плитой, на которой готовили еду. За железной заслонкой пряталась жаровня. В хорошие времена в ней пекли хлеб, пироги и парили дичь. Теперь там бывала в лучшем случае картошка. Несмотря на довольно скромные размеры, печь могла похвастаться и местом для сна, прикрытым цветастой шторкой. Традиционно на Руси эта лежанка была хозяйской, но также в знак гостеприимства ее обыкновенно уступали гостям.

Вокруг печи пространство было аккуратным: чисто выметенный пол устилали заботливо положенные хозяйской рукой половики, сотканые из обрывков разноцветной ткани, вдоль стен стояли лавки, а перед ними, ближе к печке, крепкий шершавый стол. В красном углу на расшитом причудливым орнаментом ручнике располагалась икона.

Разувшись у порога, офицеры составили ружья в угол и прошли в кухню. Ступать босыми ногами по мягким дорожкам было приятно: вспоминалось забытое ощущение родного дома. За время пути ноги уже настолько привыкли к сапогам, что прикосновение к теплым и ворсистым

половикам показалось чем-то волшебным и необычным. Мужчины по указанию деда Митяя робко сели на лавки, в глубине души радуясь долгожданному периоду отдыха и наслаждаясь уютом.

Марья сновала по кухне, что-то тихонько приговаривая себе под нос. Это были обычные женские сетования от того, что ничего не готово, нечем потчевать гостей, дома беспорядок и как сложно все успевать. Женщина расставила на столе глиняные плошки, потом подошла к печи, взяла ухват, отодвинула заслонку и одним ловким движением руки подцепила чугунок. Еще несколько секунд, и запеченная в мундире картошка уже стояла на столе, сводя с ума голодные желудки служивых.

- Берите картошечку, ребята, - обмахивая пар с чугунка, сказала женщина. – Сейчас еще лучка порежу и грибочки в засолке принесу. Больше у нас потчевать-то и нечем, уж не серчайте.

Она поставила ухват в угол избы и вдруг всплеснула руками:

- Ой, забыла, глупая моя голова!

Сокрушительно хлопнув себя по бедрам, Марья быстро вышла в сени. Спустя минуту она вернулась, принесла гостям накрытую белым куском льна крынку молока.

- Вот, молочка попейте, давно не пивали небось, - она поставила своим гостям по глиняной кружке и, разливая белую жидкость, залепетала. – Корова-то у нас худая совсем, уже старая, шибко много молока и не дает теперь, не серчайте. Творогу и подавно нет, масло иногда делаем, когда Зорька надоя больше приносит. Но это нечасто бывает. Была у нас еще корова одна, Руська, так ее большевики угнали. И козочек забрали, и почти всех курей. Вот оставили парочку и петуха, чтобы мы совсем не померли.

Старуха потеряла глаз, как будто растирая наворачивающуюся слезу. Офицеры тактично промолчали. Не знали они, чем помочь этим людям и как утешить хозяйку. На помощь пришел дед Митяй.

- Ну, вы чего сидите-то? Кушайте, гости дорогие, - обратился он к офицерам. – Алеша, сынок, как старшина покажи товарищам пример, а то дюже стесняются.

Так к Алексею не обращались уже давно. Ему снова вспомнились отец и мать, от которых не было вестей. Но он отогнал грустные мысли прочь: голод – не тетка, не щадит.

- Спасибо, отец, - обратился он к Митяю и взял картошину из чугунка. Она была в мундире, горячая, ароматная. За ним за картошкой потянулись Петро и Буджал.

- Ну что ты, мир не без добрых людей, - ответил старик.

- Это да, - заговорил калмык. - Скажи, старче, а как вы вообще живете? Вы же, похоже, тут совсем одни? Есть ли, кому вам помочь?

- Ой, ну как же. Не одни мы. Сын у нас есть, Василий, - ответил дед Митяй. – Он, как и вы, служивый. Тоже в Имперской воевал. Просто не добрался домой еще.

На этих словах старики поникли.

- Вот мы все ждем, когда он домой воротится. А пока на своем хозяйстве жить пытаемся. Я вот в лес по зайцам хожу, силки на птиц ставлю, с Марьей по грибы по ягоды охотимся.

- Сейчас домой сложно, отец, - сказал Алексей. – Вот мы год уже идем из Европы, все пешком почти, потому что не на чем. Да и воевать опять не охота, потому приходится быть осторожными, а это все время. Может и ваш Василий так же идет. Или за Петроград борется с какой-нибудь стороны.

- А вас-то как не забрали на внутренку? – спросила Марья. – Сейчас насильно тащут туда, а вы – офицеры, вы ж дороже золота!

- Да, но мы и опасны, - ответил Алексей, - потому что добрая часть офицерского состава не расположена к новой власти. А не мобилизовали нас еще потому, что мы пока что для советов потеряны. После расформирования царской армии толком и информации никакой о численном составе полков не осталось. Была такая анархия, что многие документы и формуляры

с фамилиями были утрачены, потому кто знает, живы мы или мертвы. Мы как пропавшие без вести: о нашей судьбе сведений нет. Вот мы и пользуемся этим пока, чтобы не проливать братскую кровь и быстрее добраться домой. А когда уже прибудем туда, разумеется, придется встать на учет, и там видно будет, как дальше.

- Убереги вас Бог от этой междоусобицы! – произнесла старушка и осенила мужчин крестом.

- А как вы сложную работу делаете? – спросил Петро, явно желая перевести тему. Ну, дрова поколоть, например, или воды принести?

- Так это мы сами по полешку или по плошечке носим, много нам не по силам уже, - вмешалась в разговор хозяйка. – Иногда соседи, кто помоложе и силушкой не обделен, помогают.

- Вот что, хозяева, - подумав, решительно сказал Алексей. – Завтра мы вам поможем, в чем скажете: дома что починить, что подлатать, дров нарубить, воды натаскать, травы накосить. Отблагодарим за гостеприимство.

Дед со старухой оторопели.

- Ну что вы, не нужно, - попыталась вежливо отказаться Марья. Мы не пропадем. Вы же гости, сами устали с пути, воевали, вы покой заслужили.

- Нет, мать, мы поможем, - спорить с Алексеем было бесполезно. – Сегодня передохнем немного, а завтра все переделаем. Долго вам докучать не будем своим постоем, но пока мы здесь, пользу принесем.

На том и порешили.

Пообедали скоро, но сытно. Печеной картошки с молоком и солеными грибами оказалось солдатам более чем достаточно, чтобы перестать чувствовать голод. После вкусного обеда их неминуемо разморило и потянуло в сон, а хозяева предложили им теплое место на печи. Забравшись на ложе, мужчины разместились там вплотную друг к другу и уснули. В тесноте, да не в обиде.

Глава 3. Встреча.

Поспать вдоволь им не удалось. Из дремоты мужчин вывел шум, приключившийся в сених: не прошло и часа, а уже кто-то громко стучал в дверь и требовал войти. Хозяин же беспокойно суетился, шоркая ногами по половицам и медленно вынимая засов.

- Открывай, говорю!

Стук становился все сильнее, как будто дверь ломали. Властный голос безапелляционно приказывал впустить в дом.

- Ой, да иду, товарищ председатель, - бормотал Митяй. – погоди чуток, не ломай дверь!

А сам при этом подозвал к себе жену, взглядом указал на печь, где дремали гости, и шепнул: «Предупреди!»

Марья быстро все поняла и метнулась к печке, откуда на нее, уже отдернув занавеску, вопросительно смотрел Петро. Он лежал на самом краю ниши и был ближе товарищей к происходящему в доме. Из-за его плеча, потирая глаза, выглядывали Алексей и Буджал.

- Что стряслось, хозяйка? – спросил Петро.

- Председатель пришел, - торопливо, очевидно нервничая, ответила женщина. - Сам пожаловал. Чую я, по ваши души. Видать из местных кто донес, что солдатики в царевой форме прибыли.

- Ну, что ж, раз по наши души, встретим, - отозвался Алексей. – Слезайте, ребята. Будем знакомиться. Надевайте кители.

- Ох, не было печали, - выдохнул Буджал, лежавший на печи дальше всех, у стеночки. – Но я бы удивился, если бы никто не пожаловал. Правда, я надеялся, что хоть поспать дадут.

Меньше чем через минуту служивые уже невозмутимо сидели на лавке в полном обмундировании.

Наконец хозяин, умышлено мешкавший с засовом, чтобы дать своим гостям время собраться, открыл дверь. На пороге появилась высокая фигура, черты которой было сложно разобрать из-за бывшего ей в спину солнечного света. Долговязый человек неуклюже согнулся, чтобы не стукнуться головой о низкий дверной косяк, и вошел в жилое помещение.

В прихожей стоял худой мужчина довольно неприятной наружности. Его остро очерченное лицо имело желтоватый оттенок, а впалые щеки покрывали бурые пятна, вызванные чрезмерным употреблением алкоголя. Маленькие бегающие глазки буквально ввалились в глазницы, отягощенные синими мешками. Брови и ресницы были настолько тонкими и бесцветными, что казалось, будто они и вовсе отсутствуют на этом лице, а маленький и тонкий рот от постоянной привычки фальшиво улыбаться несколько перекосило. Увенчивал это несуразное лицо большой крупный нос картошкой, ноздри которого раздувались так, будто пытались разнюхать все тайны мира и использовать их для собственной выгоды. Голова его была маленькой и как-то странно болталась на длинной худой шее, а жирные соломенные волосы неопрятными паклями свисали из-под фуражки со звездой. Мужчина был одет в гимнастёрку и шаровары, какие носили красные, а под мышкой держал какой-то папку с бумагами.

Не разувая грязных сапог, он прошел в дом прямо по половикам, оставляя на них комки земли, и, деловито осматривая чужаков, встал напротив них.

- Ну-с, папаша, - цокнув языком, нахально обратился он к деду Митяю. – И кого это ты в наше село притащил? Чай псы белые?

- Мы не белые и не красные, - уверенно ответил ему Алексей, которого возмутила наглость председателя. – И уж тем более не псы, как вы изволили выразиться. Мы солдаты, прошедшие Имперскую, и мы просто идем домой. А вы бы, товарищ председатель, хотя бы сапоги у порога сняли.

Дед со старухой пугливо переглянулись.

Желтое лицо председателя мгновенно покраснело, под кожей заходили желваки, маленькие крысиные глаза налились злобой.

- Ты! – заорал он во всю глотку, обнажая гнилые зубы. – Да как ты смеешь мне указывать?! Ты вообще кто такой? Да я тебя как собаку белую и предателя расстреляю без суда и следствия! Вас всех! За то, что за Петроград не сражаетесь и от всеобщей повинности уклоняетесь!

- Хех, ну попробуй, – деловито подбоченясь и закинув ногу на ногу, демонстративно выставляя наградной наган, ехидно усмехнулся Петро.

На председателе не было лица. В бессильной злобе он пытался, не в силах придумать, что ответить этому наглому служивому, посмевавшему угрожать ему. Справедливости ради, смел он был только на словах, и сейчас, видя, что перед ним сильные телом и духом люди с колоссальным боевым опытом, внутри себя испугался. Сам председатель не воевал, и власть в этом селе ему досталась по кумовству и за дарование к лизоблюдству, а также за рвение к разбою и жадности к наживе. К открытому конфликту как минимум сейчас он не был готов.

Ситуацию спас Буджал.

- Вы, товарищ председатель, не кипятитесь, – мягко и вкрадчиво начал он. – Мы не уклонисты и здесь проездом. За белых не воюем, проблем вам создавать не собирались и утром сами планировали к вам зайти познакомиться. Вас как зовут?

- Семен Егорычем, – пытаясь от натуги, отозвался председатель. – А ты откуда такой узкоглазый будешь?

- Я не узкоглазый, и народ мой не узкоглазым зовется. Я калмык. Это тоже Российская империя. Вернее, уже республика.

- Не слыхал о такой. А у нас что забыл?

- Домой в степи возвращаюсь, с друзьями идти легче.

Председатель усмехнулся. Потом повернулся к хозяину дома и произнес.

- Я уж думал чай сын твой воротился, Митяй, да кого приволок с собой. Мне тут чужаки не нужны, тем более служивые. Може они беляки и диверсию планируют, не зря же с народом за Петроград не воюют сейчас.

Алексей сжал кулаки. Ему уже изрядно надоел этот недалекий блюститель нового порядка, а его параноидальные подозрения начинали раздражать.

- Нет, сказали же, мы домой идем, а в вашем селе остановились передохнуть.

- Или передохнуть! – председатель рассмеялся глухим скрипучим смехом, напоминающим заикающийся гогот чайки. Смех перешел в захлебывающийся кашель: подвели прокуренные легкие.

Лица офицеров стали суровыми. В горнице повисла тяжелая тишина, такая, что хоть топор вешай – не упадет. Председатель достал из нагрудного кармана гимнастерки, подпоясанной драным кушаком, пачку самокруток, а из другого кармана – коробок спичек. Один чирк – и вот уже огонь поднесен к папиросе, по комнате разносится удушливый запах табака. Еще горящая спичка полетела тут же на пол.

- Семен Егорыч, может вы на улице покурите? – произнес Алексей, и это был отнюдь не вопрос. – Все-таки здесь старики находятся, а вы дыму напустили. И спичку бы хорошо затушить и подобрать.

- Ты че вякаешь? – перебросив самокрутку в уголок рта и зажав ее зубами, надменно спросил председатель.

Затем он сквозь зубы сплюнул на пол прямо под ноги стоявшей рядом Марье и, заложив руки в карманы шаровар, сказал ей:

- Не развалишься, уберешь.

А после, медленно оттянув на себя карман ее передника, стряхнул в него пепел. Старики стояли, не дыша, боясь даже глаза поднять. Офицеры переглянулись.

Полный самодовольства от безнаказанной выходки, председатель развернулся и вальяжно подошел к Алексею. Склонившись к нему, он сделал глубокую затяжку и пустил ему в лицо облако табачного дыма.

Дальше произошло непредвиденное.

Не став раздумывать, Алексей молниеносно со всей силы ударил председателя в лицо. Кулак пришелся прямо в челюсть, выбив изо рта местного начальника сигарету вместе с гнилыми зубами. Отчаянно завыв, Семен Егорыч схватился руками за челюсть, размазывая кровь по лицу. Спустя секунду он кинулся на Алексея, вынув из голенища сапог нож. Завязалась драка.

Председатель, как дикая кошка, пытался разодрать обидчика в клочья, неумело тыкая ножом куда придется. Все его удары не доходили до цели, и уже через минуту-другую опытный солдат уложил зазнавшегося божка лицом в пол и скрутил ему руки. Прижав его коленом к половикам, он сказал:

- Ты, Семен Егорыч, запомни, что власть – это не гонор и папочка под мышкой, власть – это умная голова, честь, честность, да-да, изучи разницу между ними на досуге, и ответственность. Ты не дорос еще до власти и уже вряд ли дорастешь. Так что смири гордыню и перестань вести себя как свинья. Мой тебе совет. А будешь стариков обижать – пеняй на себя.

В это время Марья спешно тушила на полу сигарету и дотлевающую спичку, а Петро, Буджал и Митяй окружили председателя и Алексея. Молодые люди подняли Семен Егорыча с пола и в сопровождении хозяина вывели его из дома. Старик семенил за ними в смешанных чувствах: он был рад, что его гости постояли за них со старухой перед председателем, что нашлись те, кто дал этому варвару отпор, но, с другой стороны, он чувал опасность: злить Егорыча было рискованно. Да, новая власть закрепилась еще не во всей стране, и гражданская еще полыхает ярким огнем, но в их земле уже хозяйничали красные. А как показала революция, они все-таки сила.

Мощный пинок, и Семен Егорыч со всей дури полетел с крыльца. К железному привкусу крови во рту подмешался вкус хрустящей на зубах земли и терпкая горечь осоки. Но сильнее всего он ощущал вкус унижения.

Председатель неуверенно встал на ноги. Согнувшись от боли и прикрывая рукой рот, шатаясь, он поковылял к калитке. Глаза его горели ненавистью, и, если бы он мог без боли говорить, он обрушил бы на головы обидчиков все смертные проклятия мира. От бессилия и злобы Семен Егорыч смог только пнуть лежавшую возле забора плетеную ивовую корзинку. Описав дугу в воздухе, она приземлилась аккуратно возле нежившегося на солнце Пушка. Псу не понравилось такое внимание к себе, он выразительно зарычал.

Это стало последним аргументом, убедившим Семен Егорыча скорее покинуть двор. Посмотрев напоследок на офицеров и взглядом пообещав не меньше жертвенного костра и гильотины, он вышел.

- Спасибо, сынки, что вы за нас с бабкой вступились и поставили энтого пятнистого на место, - шмыгая носом, произнес растрогавшийся, но довольный старик. – Ток вы энто зря, наверное. Он ведь таперича банду соберет и мстить вам придет. И славу по околице пустит, что вы белые и за возвращение царя ратуете. Чтобы подомстить вам.

- Не переживай, отец, – похлопал его по плечу Буджал. – На все воля Всевышнего. Мы не пропадем, и вас в обиду не дадим. Думаю, он надолго запомнит этот прием и к вам больше не сунется.

- Кто знает, сынок.

Все они стояли на крыльце, еще долго глядя на калитку, через которую удалился председатель. Алексей обливался потом от жары и активной драки. Борта и рукава его кителя были запачканы кровью председателя. Непорядок.

- Сынок, - обратилась к нему Марья. – Сымай одежду, я ее постираю.

- Не надо, мать, я сам. Спасибо тебе за заботу.

Затем, немного подумав, он обратился к деду Митяю:

- Не подскажешь, где здесь эта ваша речка с мельницей, про которую ты говорил? Далеко ли?

- Ой, да недалече. Выедешь за калитку, направо и все время прямо, там будет развилка, вот тебе опять направо надо, через поле. Поле выедешь к реке, не пропустишь.

- Спасибо, я понял, - ответил офицер. Хочу искупаться и постираться. Вы со мной, хлопцы?

- Я пас, - ответил Петро. - Жарко шибко.

- Я, пожалуй, тоже, - отозвался Буджал. - Хочу помолиться и, если честно, поспать. Ты, Леш, узнай пока путь, потом все вместе съездим.

- Добро.

Спустя десять минут Алексей уже ехал по полю. Стояла жара. Нестерпимо палило солнце. Конь мужчины, шедший неспешным шагом, едва успевал своим хвостом отгонять оводов. Однако и в такое пекло нива была прекрасна. Алексей ехал и любовался пейзажем. Вот песчаная дорога, извиваясь, проходит сквозь молодую поросль сосен и елей. Будучи не больше трех метров в высоту, тем не менее, они создавали затененное пространство, в котором росли грибы. Прямо на усыпанном хвоей краю дороги мужчина заметил группу маслят. Покрытые тонким слоем слизи, эти грибы блестели на солнце, словно начищенные до блеска перевернутые блюда. Мимо них по протоптанным дорожкам сновали муравьи, таская в свои дома палочки и иголки. Вот на ветку сосны села птица. Воробей. Он внимательно посмотрел на странника, распушил перышки, увеличившись в размере как минимум в два раза, и издал громкое «чирик». Ему ответили другие пернатые, и все пространство утонуло в птичьей трели. Вот поросль закончилась, и взору снова открылась луговина. Алексей отметил, что по правую руку от него рельеф был довольно ровным, а вот левая его часть местами холмилась и уходила под откос, создавая причудливые изгибы. Повсюду, колыхаемая ласковым ветром, пышным ковром росла сочная трава, зелень которой то и дело нарушалась ладошками ромашек, чашечками колокольчиков и звездочками сиреневого медовника. Буйство красок радовало глаз, а многообразие разнотравья поражало благоуханием. Да, такой красотой грех не любоваться. Вдруг дорога пошла вверх – на пути встал небольшой холмик. Поднявшись на его вершину, Алексей обернулся и увидел домишки селян, идущий из печных труб дым, а невдалеке от них реку, к которой стремился. Она проходила вдоль всего села и в этом изгибе, возле которого очутился мужчина, отделялась от него полем, в других же уголках Порожков вода местами подходила прямо к домам. Вдалеке виднелась мельница. Со всех сторон, не считая реки и села, поле ограничивалось лесом. Река тоже являлась естественной границей луговины, с дальнего берега которой начиналась чаща.

Алексей спустился с холма и направился к реке. Неприятное чувство, оставшееся после стычки с председателем, уже улетучилось. Все-таки живущая своей размеренной жизнью природа сделала свое дело. Конь почти галопом сбежал по крутой горке. Трава стала выше, пошли заросли Иван-чая. Утонув в розово-зеленой ароматной поросли, Алексей и не заметил, как подъехал к пологой возвышенности, с которой начинался плавный спуск к руслу. Там, за ней, коренными жителями была облюбована добротная площадка, которую со временем вытоптали и превратили в пляж. Бурая прозрачная вода омывала песок, сквозь который по бокам приплеска пробивалась высокая болотная трава.

Алексей почти поднялся на возвышенность, откуда до пляжа оставалось уже рукой подать, и вдруг его слух что-то уловил.

Песня.

Голос.

Женский голос.

Пение было нежным и приятным. Обрывки слов едва доносились, но Алексей расслышал.

*«Молодец коня поил, коня воронаго,
Коня воронаго, кругом кованаго.
Конь зартачился, нейдет, ключевой воды не пьет;
Он копытом землю бьет, из копыта руда льет»*

«Какой красивый голос, - удивленно подумал Алексей. – Надо бы поближе подойти, глянуть. Только не испугать бы».

Он подстегнул коня и тихонько взобрался на холмик.

В трех саженьях от него, по колено в воде, стояла девушка.

Юбка ее белого льняного сарафана не была заботливо подхвачена, чтобы не замочить: девушку это не волновало. Ткань струилась по течению, соблазнительно обтягивая правое бедро. Тонкая талия была подхвачена крестьянским передником, а по спине вились две толстые русые косы.

Девушка поила вороного коня, при этом поглаживая его круп мокрыми руками, чтобы освежить.

*«Из копыта руда льет, молодца горе берет:
Нечем пашеньку пахать и скородить-бороновать!»*

Она заботливо гладила жеребца и пела ему песню. Мужчина увидел, как тонкие пальцы коснулись гривы цвета глубокой ночи, и по ней пробежал зеленый отлив. Скакун блаженно заржал.

Как будто завидуя ему, гневой Алексея взбрыкнулся и недовольно фыркнул, разрушив блаженное созерцание Алексея и безбожно выдав его.

В мгновение ока девушка повернулась. Две толстые косы с размахом описали вокруг нее круг и приземлились на правую сторону груди. Яркие серо-зеленые глаза широким распахом уставились на непрошеного наблюдателя. Алексей обмер.

Впервые за три десятка лет у него так бешено забилося сердце. Ему казалось, что оно бьется в ребра настолько сильно, что девушка непременно должна это слышать. Дух перехватило. По телу пробежали мурашки, а спину от сердца и до пяток словно разорвала молния. Храбрый мужчина, крушивший врага в бою, имеющий государственную награду, сейчас испугался, как мальчишка. Впервые в жизни он не знал, что делать, как и что говорить, чтобы не спугнуть это прекрасное видение.

А видение и правда было прекрасно.

Девушка смотрела на него удивленными, но не испуганными глазами. Ветер трепал ее волосы, колыхал завитки волос, выбившиеся из ее кос во время верховой езды, задувал на лицо. Незнакомка подняла руку и отняла пряди с глаз, чтобы лучше разглядеть всадника. Алексей смотрел на нее и видел точеную стройную фигуру, пылливое лицо, на котором от внезапного вторжения сдвинулись густые черные брови, длинные ресницы угольного цвета, аккуратный, даже аристократичный нос и пухлые чувственные губы. Они напоминали маковый цветок, дурманящий и зовущий к себе. На вид девушке было не больше двадцати лет.

Так они и стояли несколько секунд, глядя друг на друга, но секунды эти Алексею показались вечностью. Таким остопом он себя давно не чувствовал.

Наконец, набравшись смелости, он направил своего коня к воде и заговорил.

- Здрава будь, девушка, - обратился он к ней. – Не ты ли, как русалка, пела здесь столь чудесно, заманивая в свои сети проезжих молодцев?

Девушка насупилась и уперла руки в боки. Это насмешило Алексея.

- Здравствуй, молодец, – начала она. – А ты здесь еще кого-то видишь? Я пела, только тебя я не звала!

Ее голос звучал в душе Алексея слаще самой прекрасной музыки.

- А меня и звать не надо, к такой красе я и сам приду, - улыбаясь, ответил на ее колкость мужчина.

Девушка смутилась.

- Твой конь? – спросил ее офицер.

- Мой. Влаской кличут, - селянка посмотрела на скакуна и погладила его по хребту. - Видишь, грива какая шелковистая.

- Вижу, да только с хозяйкой-то ему не тягаться.

Девушка вскинула на него дерзкий взгляд.

- Ты со мной не заигрывай, добрый молодец.

- Почему это? Ты запрещаешь? – Алексей, уже за много лет позабывший, как общаться с девицами, вошел во вкус.

- Себе дороже, - незнакомка подмигнула и отвернулась.

Левой рукой она подобрала платье, а правой взяла коня под уздцы и начала выводить его на берег.

По мере того, как она выходила на сушу, Алексею открывались ее стройные сильные ноги, увенчанные маленькой ступней.

Конь мужчины потянулся к девушке, едва не скинув своего всадника со спины. Офицер не без смеха понял, что ему тоже захотелось ласки и заботы.

- Ну, точно русалка, даже коня моего околдовала! – пошутил Алексей.

- Колдовство это заботой зовется, в которой каждое живое существо нуждается! – парировала она. – Заботься лучше о своем друге, и он к другим не потянется.

Она окончательно вышла из воды и подошла близко к офицеру. Легким движением руки девушка погладила его коня по вытянутой морде, да так, что тот довольно зафырчал.

- А ты, я погляжу, не местный? – спросила незнакомка мужчину, обратив на него свои изумрудные очи. – У нас служивых раз-два и обчелся, не вернулся почти никто. Да и я всех в округе знаю, а тебя впервые вижу.

- Да, мы с товарищами с войны домой идем, здесь проездом, - ответил офицер.

- Так и думала. Ну, что же, доброго пути тебе, молодец. Прощай.

Она отошла и, в чем была, босая, без седла вскочила на коня. Она сделала это так естественно, но при этом неожиданно, что Алексей заволновался. Потерять эту волшебную девушку он не хотел, а он даже имени ее не спросил.

Гарцуя на коне и преграждая ей путь к тропинке, он крикнул:

- Звать-то тебя как?

- Надо будет – узнаешь, - хитро глядя на него, ответила девушка.

В этот момент, на коне, с мокрой юбкой, босыми ногами, растрепанными косами, как будто сотканная из солнца, она была особенно очаровательна.

- Ну, где тебя хотя бы искать? – не унимался мужчина.

- Нужда будет, сыщешь.

Не продолжая более разговор, девушка подстегнула коня, обогнула Алексея, на прощание лукаво посмотрев ему в глаза, и помчалась в поле.

«Вот чертовка, - подумал Алексей. – Как ее теперь искать-то? Хоть бы подсказала. Я ведь теперь жить не смогу, пока не отыщу ее».

Он смотрел удаляющейся девушке вслед до тех самых пор, пока вдали от нее не осталось только облако пыли. Не желая пугать ее, мужчина не поскакал за ней следом, будучи уверенным, что расспросит деда Митяя и найдет ее, но он ошибался. Если бы путник знал, какой мукой изойдется его сердце, он бы сейчас ни за что не отпустил девушку.

Но в эти минуты он ни о чем не думал. Эйфория захлестнула его, овладела им. Короткая встреча с прекрасной незнакомкой перевернула внутри его души абсолютно все. Мужчина и не знал, что в груди может разлиться такой жар. Что другой человек может вызвать столь сильные

чувства, столь захлестывающие эмоции. Ему хотелось плакать, кричать, смеяться и все сразу. Как будто эта девушка вдруг ни с того ни с сего неожиданно для него самого вдохнула в него жизнь.

Сердце продолжало стучать, перед глазами стоял образ прекрасной русалки, которая безнадежно погубила его. Забрала сердце, душу, разум. Ни о чем, кроме нее, он думать не мог.

«Ведьма же, - подумал Алексей. – Ведьмочка. Околдовала!»

Он привязал коня к ивовому кусту и сел на песок. Глядя в бездонный бурый поток, офицер думал, как же теперь ехать дальше. Вся его жизнь была как глубокие темные воды, и только сейчас у него вдруг появилась надежда пристать к спасительному берегу.

Видимо, придется немного здесь задержаться.

Он обязательно должен ее найти.

Глава 4. Реванш

Вернулся он ближе к вечеру.

У крыльца дома его встретил Буджал. Он сидел на березовом чурачке и играл с Пушком. Пес сразу полюбил дружелюбного Буджу и всем своим собачьим сердцем прикипел к нему. Калмык обращался с ним как с другом, полноправным разумным существом, и пес на это отвечал ему глубочайшей преданностью. Вот и сейчас Буджал кидал ему палку, а Пушок с радостным визгом, виляя хвостом, приносил ее обратно.

- О, Леша вернулся, - приветствовал спешившегося друга Буджал. – Долго тебя не было. Я уже думал, что еще немного и надо будет идти тебя искать. Мало ли что.

- Нет, дружище, все в порядке, - ответил Алексей. – Смотри, что принес.

И он снял с крупа коня завязанную в узел рубаху. Внутри явно было что-то тяжелое, и это что-то шевелилось.

- Что это? – с опаской спросил Буджал.

- А ты посмотри, - улыбнувшись, ответил ему товарищ.

- Все ты загадками говоришь. Ну, давай поглядим.

Буджал принял из рук друга импровизированную котомку и начал развязывать ее. Он долго мучился с крепким узлом, но в конце концов его удалось освободить. Внутри он увидел целую горку речных раков.

- Ух ты! – удивленно вскинув бровь, сказал калмык. – Где ты их взял-то?

- Да на реке, - улыбаясь какой-то светящейся изнутри улыбкой, ответил Алексей. - Там же пороги есть каменистые, вот в этих камнях раки и прячутся, я как одного увидел, так и понял, что там их много должно быть. Ну, под клешни их хватаешь и все, они тебя цапнуть и не могут. Так и наловил их. Думается мне, на ужин всем хватит, тут десятка три будет. Надо хозяйке отдать. Хозяйка!

Алексей громко позвал старушку и затянул узелок, чтобы добыча ненароком не расползлась по двору. Под руку ему с величайшим любопытством совал морду Пушок, и один из раков едва не схватил его за нос. Пес зарычал и под дружный хохот друзей отпрыгнул в сторону. Он не понимал, почему над ним смеются, и с выражением вселенской обиды в глазах, поскуливая, улегся у крыльца. Больше опасная котомка не была ему интересна.

На пороге показалась Марья. Пес с выражением мольбы посмотрел на нее и попробовал пожаловаться на свою горькую долю, но она лишь отмахнулась от него полотенцем как от назойливой мухи и спустилась вниз.

- Что такое, сынки? – обратилась она к мужчинам. – Меня кто-то звал?

- Да, мать, мы звали, - улыбаясь, ответил Алексей. – Принимай гостинца!

- Что это там у вас? – старушка с любопытством заковыляла к ним.

- А ты глянь!

Алексей раскрыл узелок.

- Батюшки! Никак раки! – старушка удивленно всплеснула руками. – Сынок, неужто ты их один наловил, своими руками?

- Руками, у вас тут их много в речке водится. Бери на хозяйство.

- Ох, милоч, радость-то какая! Я пойду их в водице прокипячу, и мы их вечером с картошечкой, а!

- Чего вы тут разорались?

Под самой крышей дома с громким скрипом открылась дверца, похожая на оконце. Ее использовали для подачи наверх сена, которое хранилось на чердаке и в холодное время года шло скоту на корм. Чердак-сеновал располагался прямо над жилым помещением и хлевом, в который на зиму загоняли корову. Через отверстие в потолке, к которому приставлялась

лестница, из коровника можно было подняться наверх и достать солому. И вот теперь через чердачную дверцу, весь в трухе, на товарищевой смотрел Петро. Золотистое сено застряло в его пшеничных усах и волосах, делая их еще пышнее. Откровенно говоря, бравый вояка выглядел сейчас очень комично. Вдобавок ко всему, он сильно чесался: пока Петро спал, зарывшись в солому, мелкое сено забилося ему под исподнее и прилипло к потному телу, от чего теперь у него под рубашкой все кололось и щипалось.

- Да чтобы ты проснулся, Петро! – широко улыбаясь, крикнул Алексей. – Хватит дрыхнуть, иначе все сено притопчешь!

- Сена он пожалел, видите ли, - продолжая чесать под рубахой, недовольно бормотал мужчина. – Чего у вас там в узле? Чего вы все возле него столпились?

- То, что ты проспишь, видимо, - поддержал подтрунивание над товарищем Буджал. – Если будешь и дальше сено мять, не видать тебе вареных раков!

Подшучивать над Петро внутри этого маленького отряда было привычным делом, поскольку мужчина не был особо расторопным и с трудом отказывался от собственного комфорта. Он был гедонистом чистой воды и при удобной возможности в первую очередь максимально старался позаботиться о себе, а потом уже о других. Это не означает, что он был эгоистичен в корне, но о собственном благе он уж точно никогда не забывал.

- Да что вы все заладили с этим сеном, - Петро нахмурил брови. – Уже и поспать человеку нельзя! В доме на печке жарко.

Мужчина запустил ладонь в волосы и усиленно потрепал их, отчего сушеная трава мелкой крошкой посыпалась прямо на землю. Стряхнув с себя малую часть соломы, он глянул на друга заспанными глазами и спросил:

- Лех, это ты раков притаранил?

- Я, не ты же. Я не спал в отличие от тебя, - шутки над Петро продолжались, причем к явному его неудовольствию.

Петро опять нахмурился, однако немного погодя сплюнул шмоток сена, попавший в рот, посмотрел на связку раков, которую Марья подхватила и понесла в дом, и улыбнулся.

- Спасибо тебе, друг. Значит, на ужин у нас будет мясо. Или как это называется? Это мясо или рыба вообще?

- Вот тебе не все-то равно, - ответил ему Буджал. – Дичь как-никак, не репа пареная же! Слезай давай уже, а то весь пир пропустишь.

- Да иду, - лениво поворачиваясь, ответил Петро.

Его лохматая голова, больше напоминавшая стог, скрылась в глубине чердака. Следом за ней закрылась дверца, и где-то наверху раздались тяжелые шаги, сопровождаемые гулким пыхтением. Спустя пару минут мужчина показался из сеней и вышел к товарищам на улицу. Глядя на него сейчас, нельзя было и подумать, что перед тобой стоит офицер уже бывшей царской армии. Это был обычный заспанный деревенский мужик, от которого разило крепким кислым запахом пота и горьким ароматом залежалого сена.

- Ну где там ваши раки, я жрать хочу, - сонно прищурился глазом и почесав бедро, сказал Петро.

Алексей и Буджал от души посмеялись над товарищем. Алексей был особенно весел, и разительная перемена, произошедшая в друге, не укрылась от пронизательного взгляда молодого калмыка. Он отметил, что на реку товарищ уезжал злой и подавленный, а вернулся оттуда счастливый. Что же там произошло?

Эти размышления Буджа оставил на потом. Пока Марья готовила раков, мужчины принесли в печку дров и под руководством деда Митяя сложили поленницу, которая под тяжестью снега обрушилась еще зимой. Во дворе лежала также небольшая горка кое-как напиленных чурбаков, которые нужно было расколоть, и солдаты с удовольствием взялись за эту

работу. После они натаскали из колодца за околицей воды, и хозяин затопил баньку по-черному. Хорошо будет после сытного ужина попариться в истопке!

За приятными бытовыми хлопотами мужчины и не заметили, как прошло время, и Марья позвала их ужинать. Открыв дверь, соединяющую сени и комнаты, они с порога почувствовали теплый аромат вареных раков и чего-то кисло-сладкого.

Щавелевый суп! Да, перед ними в мисках стоял самый настоящий щавелевый суп! Алексею подумалось, что такой домашней еды он не ел с тех самых пор, как его призвали в армию. Такой суп готовила мама, и воспоминание о доме плотным комком встало между желудком и горлом.

На столе он также увидел плошку с отварными раками, порезанный кольцами репчатый лук, простой салат из редиса и зелени и заваренный по всем правилам Иван-чай. В хорошую погоду Марья собственноручно собирала его в полях, бережно обрывала каждый листок, скапывала, заставляла бродить, высушивала и, бывало даже, добавляла что-то для аромата, например, малиновый или смородиновый лист. Ее чай всегда получался душистым и насыщенным, и многие из сельчан приходили к ней, чтобы взамен на яйца или молоко попросить горсточку ароматного напитка. В этом деле Марья была мастерицей: как ни старались ее соседки, вместо благоухания их чай пах баннным веником.

Ужин прошел легко и быстро. Радостные хозяева без конца благодарили офицеров за раков и помощь по хозяйству. Они признавались, что не ели «клешастых» с тех пор, как сын ушел на фронт. Прежде он ходил да ловил их, а им самим такое уже не под силу.

После сытной еды служивых ждала баня. Соблюдая приличия, они пропустили хозяев вперед, а потом пошли сами. Истопка представляла собой небольшое помещение с предбанником, полком, парой кадушек с водой. При входе в углу, сложенная из камней, стояла печка-каменка. Покрытая черной сажей, она держала на своих плечах не менее черный котел, в котором кипятилась вода. Печка была устроена так, что огонь внутри нее грел воду в котле, а дым выходил прямо в баню, поэтому она внутри всегда была в копоти. Отсюда и произошло название «по-черному».

В предбаннике на протянутой вдоль бечевке висел свежий березовый веник, который был тут же пущен в ход. Петро и Алексей очень обрадовались тому, что можно было хорошенько попариться, в отличие от Буджала, который не очень любил бани и уж тем более веники. На его родине и так жарко, там люди не привыкли истязать себя еще большей жарой и горячими розгами. Но смыть с себя дорожную грязь и усталость он был рад.

Мылись разведенной в кадке золой, горячая вода казалась верхом блаженства, а березовый веник пробирал до костей. Лежа на полке под жарким паром, тело разбивала такая приятная слабость, что хотелось спать. Оно казалось невесомым и легким, будто вот-вот взлетит. Кожа скрипела от чистоты, и так приятно было окатиться после холодной водой и надеть чистое белье!

Одежду им дала Марья. Простую, неприметную. Чтобы, когда офицеры продолжать путь, они не так бросались в глаза новой власти. Это были свободные льняные штаны и рубахи, подпоясанные кушаками, легкие, чистые, приятные к телу. Друзья надели их, сверху накинули кафтаны, и, распаренные, вышли на улицу.

На дворе уже стемнело. На чистом небе алмазной россыпью разлеглись звезды, складываясь в причудливые фигуры. Одна больше другой, они сияли на черном небосводе, как будто наблюдая со своих высот за земными делами человека. Дневная жара спала, в воздухе разлилась приятная прохлада. Повсюду в кустах стрекотали кузнечики, перебивая друг друга, будто соревнуясь за звание самого громкого сверчка. Оглушительная канонада придавала надвигающейся ночи особое очарование, напоминающее о многогранном величии природы.

- Как, черт возьми, приятно просто помыться! – ступив на некое подобие крыльца, горланно и с удовольствием проорчал Петро.

Половицы под его ногами скрипели, откровенно выдавая свой возраст.

- Не говори, друг, - отозвался Алексей. – В бане помылся – словно заново родился!

- Это уж точно, - поддержал Буджал. – Смотрите, грязь смыл, а под ней, оказывается, все это время была кожа, как у младенца!

Офицеры дружно засмеялись. Как преобразила их эта баня! Они будто смыли с себя все тяготы войны, лишений, долгого пути. Сейчас на маленьком скрипучем крылечке в белых рубашках стояли не солдаты Императорской армии, а молодые и жизнерадостные парни, полные жизни и желания ее жить. Положив друг другу руки на плечи, они обнялись и стояли, наслаждаясь тишиной ночи и неожиданно обретенным спокойствием. Когда такое будет еще?

- Что-то, братцы, зябко, - вдруг промолвил Петро. – Пожалуй, я в хату. Вы как?

- Я еще тут побуду, воздух уж шибко хорош, - ответил Алексей.

- Я тоже, - поддержал Буджал.

- Ну как хотите, а я побег, - и Петро, наваливаясь всем своим дюжим телом на хлипкие ступеньки, по-медвежьи неуклюже спустился, чем насмешил своих товарищей, и засеменил к хате.

В окнах утлого домишки мерцал свет от лучины – хозяева еще не спали. Меньше минуты, и мужчина скрылся в дверях дома, оставив Алексея и Буджала под сенью звездного неба.

Из-за густого леса, окружающего деревню, встала ярко-желтая луна. Полная. Своей неестественной насыщенностью она напоминала кошачий глаз, внимательно следящий с небосвода. За добычей ли, или за порядком – не ясно. Не вызывало сомнений лишь то, что в этот вечер луна была какая-то гипнотическая. Отчетливо были видны кратеры, от чего небесное тело напоминало дырявый сыр с сельской ярмарки. Мужчины залюбовались.

- Буджа, как ты думаешь, а что там? – указывая рукой на луну, спросил Алексей. – Там что-нибудь есть?

- Да ничего там нет. А если и есть, то увидеть человеку это не позволено, - ответил Буджал.

- Почему?

- Ну, не доросли мы еще до того, чтобы видеть что-то большее, чем наш собственный мир.

- Почему?

- Потому что не хватает человеку еще ума, силы духа, чистоты души. Пока мы живем, не извлекаем уроки из своих ошибок, ненавидим ближних, несем войны, страх и смерть, мы так и останемся неразумными детьми в лоне матери Жизни, не допущенные к ее тайнам.

- Чудно ты говоришь. Откуда ты это знаешь?

- Лама наш говорил. Это все одно, что у вас батюшка, священник. Он много чего знал, это издавна посвященным передается. Они, ну, посвященные, таинства несут дальше, открывая простому люду лишь то, что они способны понять, и то, что они не способны использовать во вред другим. И более глубокую мудрость оставляют своим преемникам. Потому знания и сохраняются, и по мере развития человечества что-то новое открывается людям.

- Ну да, это мудро. Я и сам по себе замечал, что хоть ты тресни, а я не могу иногда какой-то пустяк освоить, ну не получается. А проходит время, набираешься опыта и то, что не получалось, приходит само собой.

- Так и есть, друг. Приходит лишь то, к чему ты готов.

- А что еще твой лама рассказывал? Вот про луну, например?

- Он говорил, что в древних текстах написано, будто прежде Земли жизнь была на Луне. Что там было так же, как здесь. А здесь не было ничего. И когда срок Луны подошел к концу - а планеты, как и люди, свой срок имеют - тогда Луна передала свою энергию Земле и угасла, став просто камнем. А на Земле началась жизнь. И теперь Луна как наша мать висит на небе и наблюдает за нами, тянет воды, влияет на волков, например. И лама говорил, что потому

они на нее воют, а человек смотрит на нее заворуженно, что в глубине души мы все помним ее и тоскуем.

- Интересно ты рассказываешь, друг. Знать бы столько, сколько ты. Если бы все знали, как ты, и думали, как ты, может, и мир добрее бы был.

- Да нет, Леш, я на самом деле очень мало знаю. Даже грустно, что настолько мало.

- Многим и это недоступно.

Друзья замолчали, глядя на луну. В тишине ночи, разрываемой только струнной музыкой кузнечиков, каждый думал о своем. Лицо Алексея вдруг стало мечтательным, по нему разлилась счастливая улыбка, глаза заблестели мягким, но ярким светом.

Буджал заметил это, как прежде и то, что из поездки на реку Алексей вернулся перевозбужденным. Прежнее холодное спокойствие покинуло его, он весь превратился в энергию, бьющую через край радость, беспричинную веселость.

«Странно, что Петро этого не заметил», - думал Буджал.

Впрочем, он понимал, что даже если бы друг вернулся без коня, Петро бы вряд ли обратил на это внимание, потому что он по большей части всегда сконцентрирован на себе. Буджал решил, что лучше момента задать вопрос не будет.

- Леша, а позволь спросить, что сегодня случилось, пока ты на речку ездил? Ты встретил кого? – обратился он к товарищу. – Если не захочешь отвечать, не отвечай, я не настаиваю.

Алексей вздрогнул, вырванный из своих мыслей вопросом товарища.

- А почему ты решил, что что-то случилось? – спросил он.

- Ну, ты сам не свой вернулся, радость из тебя хлещет. Никогда я тебя таким не видел.

Алексей улыбнулся наблюдательности друга. Ему нравилась спокойная вдумчивость Буджала, его внимание к мелочам, умение постичь чужую душу, заглянуть в нее, как в книгу. Он доверял ему, а потому не колебался, делиться личным или нет.

- Девушку я встретил, – мечтательно начал он. - Знаешь, было в ней что-то, что меня на месте к земле пригвоздило. Не мог я от нее взгляда отвести, красивая, как звезда, и сердце так ух-ух в груди, как никогда. Я в бою так не волновался, не терялся, как перед ней. А она такая маленькая, но глазищи как кострища, только искры жаркие метают, и в то же время как озера, что утонуть можно, и как чаща зеленая. Сложно это описать. Дерзкая такая, но не самолюбивая, заботливая. Конягу она поила на речке, и такая трепетная с ним была, такая нежная, что даже мой гнедой к ней потянулся. Не встречал я таких прежде, все внутри меня она перевернула.

- Да это же любовь, дружище, - улыбаясь, констатировал калмык. – Поздравляю!

- Да с чем тут поздравлять, Буджа, - Алексей вдруг резко погрузился. – Я ведь не знаю, как ее найти. Она укакала в поле и поминай, как звали.

- Ты даже имени не знаешь?

- Не-а. Сказала только, мол, будет нужда – найдешь.

- А чего ты ее не догнал?

- Не хотел напугать. Чтобы не подумала, что я преследователь.

- Значит, не так и сложно ее найти, раз она так уверенно тебе ответила.

- Да кто его знает. Это только у местных спрашивать, может по описанию кто узнает и подскажет.

- Попробуй. А вообще, друг, - Буджал мягко улыбнулся, - если эта девушка – твоя судьба, и ты в своей груди это чувствуешь, то какими бы разными тропками вы не шли, однажды они пересекутся, и вы встретитесь. От судьбы не уйдешь. Но это не означает, что не нужно ее искать. Ищи, и ветер будет попутным.

- Спасибо, Буджа, - Алексей хлопнул товарища по плечу. - Ты всегда умеешь найти нужные слова,

- На то и нужны друзья, - ответил калмык. – Предлагаю идти на боковую, а завтра начать поиски твоей чаровницы.

- Да, спасибо. Пойдем.

Друзья поднялись с крылечка, уже успевшего покрыться ночной влагой, и отправились в хату. Свет в ней уже не горел, лучины были потушены, обитатели дома спали. В сенях, свернувшись у входной двери, дремал даже Пушок. Он спросонья посмотрел на полуночников, но не стал на них ворчать: слишком хотелось спать. Широко зевнув и издав тоненький писк, он положил голову обратно на лапы и блаженно уснул. Буджал и Алексей тихонечко пробрались в хату, забрались на печь, где уже во всю глубоким баритоном храпел Петро, и уснули.

Алексеем снилась встретившаяся днем девушка. Он бежал за ней по полю, сердце стучало от волнения, в груди не хватало воздуха. Счастье было таким полным, что он, чтобы не спугнуть его, почти перестал дышать. Селянка игриво то убегала от него, то давала приблизиться, но к себе не подпускала. Волосы, выбившиеся из кос, золотым блеском играли на солнце, добавляя девушке неземного очарования, как будто бы она была не отсюда, а спустилась с небес. Она смеялась и манила мужчину, дразнила его чувства. Алексей хотел подойти к ней, взять за руку, заглянуть в эти глубокие серо-зеленые глаза и остаться в них навсегда, но ноги его вдруг приросли к земле. С ужасом он понял, что не может сделать ни шагу. В беспомощных попытках сдвинуться с места офицер и не заметил, как солнце скрылось и на поле опустились сумерки. Он взглянул на девушку и увидел, что ее прекрасное лицо исказила необъяснимая тревога. Игривой улыбки больше не было. Подхватив правой рукой юбку, она подбежала к Алексею, посмотрела на него и отрывисто произнесла: «просыпайся!»

Мужчина открыл глаза. Его будто выбросило из сна, в котором он хотел бы задержаться как можно дольше. Он испытал досаду и горькое разочарование, что это было всего лишь видение. Лежа на печи, под мерный храп товарищей Алексей глядел в потолок и мысленно возвращался в свою сладкую грезу, как вдруг его внимание что-то привлекло.

В щели между оконными ставнями что-то промелькнуло.

Свет.

Кто-то ходил вокруг дома с керосинкой.

Была глубокая ночь, в такое время с добрыми намерениями не ходят. Алексей насторожился. Он толкнул в бок Буджала. Тот нехотя повернулся, но открыл глаза.

- Что такое?

Алексей знаком велел ему молчать и указал на мелькающий между ставней свет. Буджал беспокойно приподнялся на локтях и вопросительно посмотрел на товарища. Алексей кивнул в сторону спящего Петро и беззвучно попросил: «разбуди». Буджал понял и принялся тормошить товарища, который явно не хотел просыпаться и был недоволен тем, что его будят.

Алексей спустился с печи и быстро оделся. Буджал и Петро последовали его примеру. Мужчина подошел к створкам ставней, где щель была побольше, и выглянул на улицу, пытаясь рассмотреть, что там происходит. Сквозь мутный бычий пузырь, натянутый на оконную раму, толком ничего не было видно, но по количеству огней он понял, что незваный гость был не один.

Обернувшись к товарищам, Алексей на пальцах показал, что возле дома ходят как минимум пять человек, и после произвел боевую расстановку товарищей. Он поставил их возле окон с разных флангов, чтобы они могли открыть перекрестный огонь по противнику, а на себя взял двери.

В этот момент в сенях истошно залаял Пушок. Чужаки подошли к дому совсем близко, и дремавшая внутри собака их почуяла. Сквозь запертую внешнюю дверь пес рвался наружу, желая прогнать их прочь, и ночные визитеры уже перестали скрываться. Раздался напористый стук в дверь.

От сотрясавшего стены грохота и собачьего лая проснулись хозяева дома. Испуганные старик со старухой быстро вышли к занявшим оборонительные позиции солдатам и спросили, что происходит.

Алексей велел им спрятаться в доме.

- Открывай! – к ожесточенному стуку в дверь добавился крик.

- Кого в такое время в гости принесло? – выйдя в сени, спросил Алексей.

Вокруг него с отчаянным лаем носился Пушок.

- Открывай и узнаешь, - хрипло ответили за дверью.

Слегка шепелявый голос показался знакомым.

Алексей силой загнал собаку в дом и запер ее там от греха подальше, нащупал револьвер в кармане и вынул из пазов сенной двери поперечник. Он подумал об оставленном в хате ружье, но решил прибегнуть к нему только в крайнем случае. К тому же, он знал, что его страхуют товарищи.

На пороге стоял недавний знакомец – председатель. Только в этот раз он был не один. Взять у офицеров реванш он пришел вместе с подмогой – рядом с ним стояли еще четыре человека не самой приятной наружности.

- О-о-о, да ты, я смотрю, один больше ходить не рискуешь, - опираясь плечом на дверной косяк, усмехнулся Алексей.

Семен Егорыч злобно оскалился, в перекошенном рту большевика можно было заметить зияющие дыры там, где еще вчера были зубы. Насмешка офицера царской армии не на шутку задела председателя, и сдерживать себя он уже не мог.

- Заткнись, белогвардейская собака! – задыхаясь, прошипел он, безбожно шепелявя. – Да я всех вас как врагов народа без суда и следствия вон в том лесу закопаю!

- Смотри, как бы самому там не закопаться, - невозмутимо парировал мужчина.

- Ах ты, мразь! – председатель уже не выдержал.

Он пришел за реваншем, а не повторным унижением, и теперь, чувствуя поддержку товарищей за спиной, он был смелее. Не думая о том, что где-то в доме находятся еще два офицера, он вскинул руку, в которой держал револьвер, и сделал выстрел. Однако Алексей оказался проворнее и успел увернуться от пули, выстрелив в ответ. Заряд разорвал китель на предплечье председателя, и в открывшейся дыре зазияла кровавая рана. Семен Егорыч схватился за руку и завыл от боли. В эти же секунды его отряд открыл огонь по Алексею, который успел прикрыться сенной дверью. Буджал и Петро тут же вступили в битву. Они стреляли из своих укрытий по противнику и в считанные минуты вывели из строя все сопровождение председателя. Раненые головорезы, не желая быть убитыми, пока их предводитель был занят своей вендеттой, бросили его и разбежались в разные стороны.

А затем во дворе дома разыгралась настоящая рукопашная схватка.

Когда Алексей укрылся за дверью, председатель кинулся на нее в яростной попытке добраться до обидчика. Офицер выждал, когда он схватится за ручку, и с силой толкнул створку изнутри, ударяя ею нападавшего. Семен Егорыч отлетел на несколько метров назад и с силой ушибся о землю. Его голова кружилась и нестерпимо болела, от неудачного приземления ныло раненое предплечье, потому что ориентирование в пространстве к нему вернулось не сразу. Этих секунд промедления Алексею хватило, чтобы выбить у противника пистолет и попытаться скрутить нападавшего. Но председатель был достаточно крепким человеком и категорически отказывался сдаваться. Яростно рыча, он впивался руками в лицо, шею Алексея, стремясь его задушить. Будучи сильнее, офицер успешно отбивал мужчину от себя и пытался обездвижить. Убивать его он не хотел. Однако в какой-то момент Семен Егорыч удачно извернулся и вынул из кармана своих галифе маленький складной нож, лезвие которого в свете луны блеснуло перед глазами Алексея. Офицер схватил противника за руку, и началось противостояние. Каждый пытался перенаправить острие ножа в сторону врага, полностью осознавая,

что тот, кто окажется слабее, вряд ли уйдет живым. Казалось, эта схватка длилась вечность, но вот рука Семен Егорыча не выдержала, и лезвие скользнуло по его щеке. Из глубокой раны полилась кровь, председатель завыл.

В этот момент дверь дома распахнулась, и на помощь Алексею пришли его товарищи. Они уже разогнали всю паству председателя и могли покинуть свои позиции. Вместе с ними из хаты, как настоящая буря, вырвался Пушок. Будучи запертым все это время, он не мог принять участия в битве, но теперь настал его звездный час. Отчаянно рыча, он со всего маху набросился на уже побежденного председателя и впился зубами в его голень. Под раздирающий душу крик пес продолжал его драть и трепать, пока Буджал не оттащил его и не увел в дом. Петро помог Алексею встать. Помощь с председателем другу уже не была нужна, поэтому он пошел собирать по двору лошадей, которые от страха сорвали поводья и разбежались. Чудом ни одна не пострадала в перестрелке.

Семен Егорыч лежал на земле, отчаянно крича и истекая кровью. На его глазах выступили слезы. Он уже не изрыгал проклятия - он молил о помощи.

- Пожалуйста, помогите, - еле слышно стонал он. – Я не хочу умирать.
- Кажется, мы его хорошо проучили, братцы, - произнес Алексей. – Как думаете?
- Согласен, - ответил Буджал.
- А я бы предложил его добить, - парировал Петро, привязывая одну из лошадей к забору.
- Надеюсь, что он того не стоит, - ответил Алексей и продолжил, обращаясь к калмыку.
- Буджа, пожалуйста, приведи коня, я отвезу его в лазарет.

Потом он посмотрел на Семен Егорыча и спросил:

- Есть же у вас лазарет?

Последний, не имея сил говорить, кивнул головой.

-Ой, зря, - промолвил Петро, но его уже никто не слушал.

Спустя пять минут Алексей вместе с товарищами перекинул побежденного противника через седло и повез к барской усадьбе. Там при местном Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов был организован санитарный блок, где могли оказать первую медицинскую помощь. Оставив председателя на крыльце лазарета, Алексей постучал в дверь и, убедившись, что на его стук идут, сел на коня и усакал прочь.

Глава 5. Погоня.

С наступлением утра офицеры решили покинуть деревню. Тяжелым камнем на душе лежала мысль о том, что оставшиеся без защиты старики могут принять на себя весь огонь ненависти озлобившегося председателя. Из-за них. Если он выживет. Но остаться было бы еще хуже, тогда Митяю и Марье спокойной жизни точно не видать. Одна надежда, что их сын жив и вернется.

Алексея угнетала еще и другая мысль: свою прекрасную незнакомку он так и не успел найти, а теперь нужно, как он в шутку говорил, сниматься с лагеря и ехать дальше. Домой.

Не шла у него эта девушка из головы. Душа болела от мысли, что он никогда ее больше не встретит. Но он старался так не думать. Во влюбленном сердце жила надежда скорого свидания, а в памяти запечатлелись слова Буджи: если судьба – встретитесь.

Однако он все же решил попытать удачу и спросил у деда Митяя, знакома ли ему эта девушка.

- Ну, косы длинные, русые, глаза большие, зеленые, стройная такая, ладная, ну, не?

- Да ты, милоч, чай полдеревни девок сейчас описал, - ответил дед Митяй. – Може примета какая особая есть? Родинка там на лице или може прядь волос седая?

- Не, отец. Ну, конь у нее был, и все. И дерзкая такая, не дама кисейная.

- А как кличут знаешь?

- В том и беда моя, что заупрямилась, не сказала.

- Тогда не могу я тебе помочь ничем, сынок. Это только если по селу ходить да девок высматривать, може где чай свою и встретишь.

- Понял, отче. Спасибо!

Не увенчалась сия попытка успехом. Да и сам Алексей понимал, что бесполезно это: слишком мало примет, ничего о ней он не знает. Это только если надеяться на Долю и ждать, когда их дорожки пересекутся. А уж если он ее найдет, в лепешку расшибется, но сделает все, чтобы больше никогда уже не потерять.

Буджал видел страдания своего друга. Он тихонько подошел к нему и молча положил руку Алексею на плечо. Поддержка товарища приободрила офицера, он горько улыбнулся и посмотрел на калмыка.

- Не переживай, друг, - немного помолчав, произнес Буджал. – Почему-то мне кажется, что вы встретитесь. Не посылает Бог просто так такие сильные чувства.

- Твои бы слова да Богу в уши, Буджа, - совсем не веря в чудо, ответил мужчина.

Тут к ним подошел Петро. Он до сих пор так и не заметил перемены в друге, не уловил его душевное состояние, однако сейчас ухватил часть разговора и заинтересовался происходящим.

- Про какие такие чувства ты говоришь, Буджа? – недоумевая, спросил богатырь. - С кем встретитесь?

Алексей посмотрел на товарища, размышляя, стоит ли доверять ему тайну своего сердца. Однако Петро был другом его детства, меж ними никогда не было секретов, и Алексей решил сказать, как есть.

- Да девушку я тут видал, а ни где живет, ни имени не знаю, - с горечью ответил он. – И найти ее не успел, а уже ехать надо.

- Во дела! – Петро удивленно открыл рот и почесал голову. – А когда ты управился-то? Я вот кроме той бабы с ведрами ни одной девки тут толком и не увидел!

- Ты бы спал меньше, - посмеялся Буджал.

Алексей улыбнулся.

- После первой стычки с председателем. Помнишь, я на речку поехал? Вот там и встретил.

- Так может это русалка была, и она тебя зачаровала своим пением? – начал подшучивать над другом Петро. – Тогда не мудрено, что ты ее отыскать не можешь!

- Да ну тебя к лешему! – выругался Алексей. – Хватит трепаться, давайте по коням уже.

Прощание было недолгим, но по-домашнему теплым и душевным. Марья собрала офицерам в дорогу кое-какой еды, Митяй принес коробок спичек и бутылку самогона «для сугреву», немного вяленой рыбки из старого запаса.

- Спасибо, хозяева, что приняли нас, - начал Алексей. – И извините, что из-за нас вы тут страху натерпелись.

- Надеемся, с нашим уходом вас трогать не будут, - поддержал Петро.

- И надеемся, что ваш сын скоро вернется домой, - закончил Буджал.

На этих словах Марья заплакала. Потом, утерев передником слезу, она взмахнула руками и с причитаниями побежала в дом. Спустя минуту она вернулась, неся маленький сверток.

- Вот, возьми это, сынок, - со слезами на глазах женщина протянула кулек Алексею. – Пусть она бережет вас!

Мужчина развернул узелок: в кусок ткани была завернута маленькая икона Божьей матери.

- Спасибо, мать, - он сердечно посмотрел на старушку и спрятал икону в нагрудном кармане кафтана. – Это очень ценный дар.

Старушка кивнула в ответ и отошла в сторонку, к мужу. Закинув за плечи ружья, офицеры на прощание потрепали сидевшего рядом Пушка и вскочили на коней. Пес жалобно скулил и не хотел отпускать своих новых друзей, с которыми так отчаянно бился в схватке, но делать было нечего. Обменявшись с офицерами последними взглядами, хозяева проводили их со двора и вышли за калитку. Дед Митяй обнял свою старушку, и они еще долго стояли, пока последний из всадников не скрылся за поворотом.

По деревне мужчины ехали нарочито медленно. Алексей искал во встречающих лицах девушку с реки. Друзья не торопили его, зная, насколько тяжело ему сейчас покидать это поселение. Чем дальше они шли, чем ближе подходили к границе села, тем сильнее отчаяние мощной хваткой сжимало душу офицера. Он ее не находил. И впервые с детства он готов был рыдать.

В лес въехали в траурном молчании.

Островежье ели зелеными шапками подпирали небо, колючими лапами тесно прижимаясь друг к другу. Они напоминали живую стену, которая тянулась по обеим сторонам наезженной телегами дороги. Обочины были покрыты ковром из высохших хвоинок, изрезанным муравьиными магистралями. То тут, то там высился муравейник один другого больше, и неутомимые насекомые ни на секунду не прерывали своего бурного строительства. Вот, испугавшись мерного топота коней, взмахивая мощными крыльями, с шумом с места сорвался глухарь. Весь лес оживился гомоном птиц, храня при этом величавое спокойствие. Казалось, что бы тут ни случилось, мать-природа всегда будет такой же невозмутимой и безразличной к человеческим страстям.

Офицеры ехали неспешно, щадя своих коней. До родных краев Алексея и Петро было еще приблизительно три дня пути, поэтому лошади были нужны здоровые и полные сил. Направление знали: дед Митяй подсказал. Когда красные заняли часть барской усадьбы, много господских вещей было сложено в большой костер, среди прочего были разные бумаги, в том числе и карта губернии. Ученый человек был барин, много путешествовал. Много что местные тогда успели вытащить из кострища полезного, а дед Митяй взял карту. Почему схватил именно ее, объяснить никогда не мог, но подумал, вдруг пригодится однажды. Они со старухой часто раскладывали ее на полу и смотрели, как мир вокруг них устроен. Изучали дорожки, по которым к ним может вернуться сын. И вот теперь карта сослужила офицерам добрую службу: они знали, как вернуться домой.

Хвойный воздух пьянил. Покрытая мхом лесная дорога узкой лентой тянулась вдаль. Незаметно перевалило за полдень, а после мужчины увидели, как солнце потихоньку стало клониться к закату.

Привал было решено сделать на берегу ручья, крутым изгибом перерезавшего дорогу. Он не был широк и глубок, но воды его пенным потоком весело журчали, как у горной речки. Перейти его можно было и вброд, но кто-то в прежние времена уже перекинул через него срубленные и грубо обструганные молодые деревья, соорудив тем самым мосток, потому перебраться на другой берег теперь было делом одной минуты. Путники решили воспользоваться случаем и напоить коней, дав им возможность немного отдохнуть. Да и сами всадники нуждались в передышке.

Расположившись на травянистом берегу, мужчины достали свои скромные пожитки и поужинали. Заходящее солнце искрилось в воде цвета железа, придавая ей насыщенности и золотого блеска. Сквозь бурю толщу можно было рассмотреть снующих по песчаному дну маленьких рыбок. А если приглядеться еще лучше, то в залежах прибрежного ила виднелись раскрытые створки беззубок – пресноводных двустворчатых моллюсков. У противоположного берега в камышах тоже кипела своя жизнь, надводная: серая кряква суетливо укрывала на ночь свое потомство. В тине под склонившимися к потоку ветвями ивы гортанно перекликались жабы. К общему гомону подключились кузнечики.

Несмотря на такую, казалось бы, непримиримую непохожесть звуков, вместе они создавали единую гармоничную мелодию жизни.

Продолжить путь решили утром. Мужчины сидели на земле и вспоминали свои боевые будни и пережитые ими приключения. Им было весело и радостно: война кончилась, они живы и идут домой. Да, не известно, что там, впереди, дома. Однако сейчас кажется, что жизнь медленно, но верно, как величавая полноводная река, возвращается в свое русло.

Вдруг кони заволновались. Прежде спокойно щипавшие траву, они вдруг вскинули головы и начали жадно втягивать в себя воздух. Навострив уши, животные дружно повернулись в ту сторону, откуда пришли. Затем между ними прошло тревожное ржание.

- Тихо! – подняв руку в воздух, скомандовал товарищам Алексей.

Все замерли и обратились в слух.

- Конский топот, - прислушиваясь, произнес мужчина. – Вы слышите?

Петро и Буджал молча кивнули.

- По коням! – чуя недоброе, скомандовал Алексей.

В считанные секунды они отвязали рвавшихся на волю лошадей, и только ноги были поставлены в стремя, за поворотом дороги показался вооруженный отряд. Мрак еще не опустился на землю, потому лицо предводителя неожиданных всадников было отчетливо различимо.

Это было и без того уродливое, изувеченное свежим швом лицо председателя села Порожки. Его сопровождало не меньше дюжины конников, выглядевших, как последние головорезы с большой дороги. Из-за спин некоторых из них выглядывали двустволки.

- Быстро на коней! – скомандовал Алексей.

Он понимал, что силы не равны и против целого отряда они бессильны. Лучшее, что они могут сейчас сделать, это спасти себя бегством. Но мужчина осознавал, что время упущено: враг подошел совсем близко.

— Вот живучая падла! – глядя на столь уже знакомого Семен Егорыча, прорычал Петро.

- И тебе не хворать, белогвардейская собака, - надменно глядя сверху вниз на Петро, шепелявя, ответил председатель.

- Вот что ты за человек такой, ты чего привязался? – распалялся мужчина. – Сколько раз тебе еще сказать, я не белый и не красный, как и товарищи мои. Мне вообще до лампочки ваши лагерь! Я – русский человек, чего тебе еще надо? Мы просто едем домой!

- Брось, Петро, - спокойно проговорил Алексей. — Это бесполезно.

Затем, посмотрев на Семен Егорыча, он иронично добавил.

- Кажется, кто-то этой ночью на сельском дворе кровью истекал. Пощады просил. Говорил, что умирать не хочет. На тебя был похож. Не мог же это взаправду ты быть? Ты же вон какой бодрый!

В мгновение ока кровь прилила к лицу председателя. Он поймал на себе заинтересованные взгляды своих подчиненных, которым явно не была известна вот эта постыдная для него правда. Конники переводили взгляд с плотно затянутой над сапогом повязки на лицо председателя, и это приводило его в еще большее бешенство: каждый раз, когда он пытался отомстить этим залетным, он проваливался в еще большую яму позора.

«Это в последний раз, псы государевы!» - подумал он и натянул удила.

Лошадь заржала, встала на задние ноги и с силой стукнула передними копытами о землю.

- Лучше заткнись, касатик, - крикнул Семен Егорыч, обнажая выбитые зубы. – Впрочем, мы вас всех сами сейчас заткнем. Навсегда. Ха-ха.

Его смех прозвучал глухо, как лай охрипшей старой собаки. Насмеявшись вдоволь и чувствуя свою силу, он свистнул, давая своим прихвостням старт к дикой охоте.

- Уходим, - скомандовал Алексей своим и прищипорил коня.

Его гнедого не надо было уговаривать. Поняв все с первого раза, конь одним прыжком перемахнул ручей, и за ним последовали его товарищи, неся на своих мощных спинах Петро и Буджала. Раздались выстрелы.

- Живыми не уйдете! – прокричал вслед офицерам председатель, а потом тихо добавил. – Но сперва повеселимся.

Пули свистели то тут, то там, справа, слева, сверху – повсюду. Было чудом, что до сих пор никого не задело. Спрятаться было негде, лес подступал к дороге вплотную, пробраться в него на коне было нереально.

Мужчины скакали, едва уворачиваясь от пуль. Время от времени они делали ответные выстрелы, и им удалось даже убить примерно треть преследователей, но они все равно находились в большой опасности. Это напоминало охоту, травлю, будто их, как диких зверей, загоняют в ловушку.

Сколько они мчали по дороге, офицеры не знали. Лес уже укутался в сумерки. Единственное, на что надеялся Алексей, это на темноту. Что их потеряют из видимости.

Чуя то же самое, председатель засуетился и приказал своим «охотникам» поднажать. Офицеры чувствовали, как они приближаются, и казалось, надежды на спасение уже нет. Как вдруг они выехали из леса и оказались в поле.

- Врассыпную! – скомандовал Алексей, и втроем они кинулись в разные стороны.

Каждый из них помчал в своем направлении сквозь поле к лесу, попутно разя неприятеля. Надвигающаяся темнота была офицерам на руку: в ней легче было скрыться.

Семен Егорыч поскакал вслед за Алексеем. Его он ненавидел больше всех.

Подгоняя лошадь, Алексей сквозь высокую траву мчал к лесу. Ноги гнедого путались в клубках прошлогоднего сена, перевитого свежими побегами, конь то и дело спотыкался, проваливаясь в ямы, но упорно шел вперед. У председателя дела обстояли хуже. Его лошадь была довольно тщедушной и уже изрядно выбилась, потому марш-бросок через луговину давался ей с огромным трудом. Алексей видел, что вырывается вперед. Он обернулся, чтобы сделать выстрел, но его револьвер разрядился вхолостую: закончились патроны. Семен Егорыч заметил это и, злорадствуя от всей своей черной души, щедро послал ему в спину пули. Но они не достигли цели: все-таки меткости ему еще следовало поучиться.

Достигнув кромки леса, Алексей решил пойти на отчаянную меру: он спешил. Выход был только один – уходить вглубь чащи пешком, уповая на то, что раненый председатель не рискнет преследовать его в дебрях. Мужчина сбросил в траву ружье, бережно и с любовью

погладил коня по крупу, прощаясь с ним, понимая, что шанс на новую встречу крайне мал. Заглянув в умные темные глаза, он шепнул ему:

-Дружок, беги!

А затем хлопнул животное по крупу, отпустил его и бросился к лесной чаще.

Дальше он мог надеяться только на себя.

Продираясь через лопухи и заросли малины, Алексей почти уже добрался до спасительного леса, как вдруг раздался очередной выстрел, и правое плечо его обожгло разрывающей болью. Он застонал и бессильно упал на колени, раздирая кожу колючками. По руке потекла горячая кровь.

Как ни странно, но выстрел этот совершил отнюдь не Семен Егорыч. Роковая пуля была выпущена его подчиненным, который вовремя пришел на подмогу своему действительно выбившемуся из сил начальнику.

- Кажись, ты убил его, - видя, как бессильно рухнул Алексей, произнес председатель, обращаясь к товарищу.

- Проверять будем, Егорыч? – противно шепелявя, спросил у него стрелок.

- Не, - ответил тот. – Если даже и живой еще, все равно раненый тут подохнет, тут ни одной деревни поблизости, в лесу и окочурится от кровотечения. Рожу себе драть в потемках в кустах ради этой собаки не хочется. Собирай всех, айда домой.

В последний раз посмотрев на затихший подлесок, всадники развернулись и ускакали прочь.

Алексей же, стоя на коленях в зарослях, силился справиться с болью. Он глубоко и медленно дышал, как учили на войне, чтобы взять под контроль свои чувства. Вдох – выдох, вдох – выдох. Набрав полную грудь воздуха, он на четвереньках пополз к лесу. Рука жутко болела, но надо было двигаться. Спустя минуту он вылез из малиняка и оказался в лесу.

Отползая немного поодаль и найдя укрытие за стволом поваленного дерева, он высвободил раненую руку из кафтана, оторвал от рубахи широкую полоску ткани и, как мог, перетянул плечо. Мужчина понимал, что погоня прекратилась, но также осознал, что нужно идти. С его раной медлить нельзя. Отдышавшись немного, он собрал последние силы, натянул кафтан и двинулся по лесу вдоль кромки поля. Алексей надеялся так вдоль дороги выйти к какому-нибудь поселению или встретить товарищей, если они еще живы. В любом случае, от просеки отклоняться нельзя: заблудиться раненым в лесу – верная смерть.

Была уже глубокая ночь.

Алексей брел, не теряя из поля зрения спасительного ориентира. Кровь продолжала сочиться, его знобило. Мужчина уже еле передвигал ноги, в глазах двоилось. К горлу подступала тошнота. Он почти перестал ощущать свое тело.

Каким-то смутным чувством он уловил волчий вой. Четких звуков он уже не слышал. Перед глазами мутными пятнами мелькнуло с десятков желтых огней.

Это было последнее, что видел мужчина. Дальше – темнота.

ЧАСТЬ 2.

Глава 1. Агафья.

Агафья Никитина не была такой, как все.

Забавы сверстников не были ей интересны. Водить с песнями хороводы вокруг березы или играть в жмурки девушке казалось глупой тратой времени. Вместо этого она могла часами сидеть одна где-нибудь на завалинке и наблюдать за непрерывной работой природы, подмечать поведение животных, училась отличать по пению птиц и запоминала, где какая трава гуще. Надо отдать должное, в растениях она разбиралась лучше всех. Бабушка-знахарка обучила ее всему, пока не ушла в мир иной, и теперь Агафья слыла лучшим врачевателем в округе. Несмотря на ее юный возраст, к ней шли за помощью, но ее и побаивались. Все то, что человек не может осмыслить, понять и принять, он непременно помещает в ящик опасного и клеймит колдовством. Вот и здесь, несмотря на то, что зла от Агафьи жители села Поляны не видели, они считали, что без магии девушка не обходится. А дело было всего лишь в глубоких знаниях ботаники, тонком чувствовании окружающего мира и врожденной мудрости.

Осложнялась ситуация тем, что Агафья была неплохо обучена грамоте.

Местные, будучи поголовно неграмотными, считали девушку за выскочку и за глаза называли «царевной». Они не понимали, зачем уметь читать и писать, считали это вредной блажью, что портит людей, но в глубине души завидовали молодой селянке. Ее спокойная отрешенность от их дел и увлечений раздражала, людей задевало, что их скучные мирки и бытовые истории могут быть не интересны, им казалось, что со своего пьедестала Агафья смотрит на них свысока. Но ничего подобного не было. Она просто жила свою внутреннюю жизнь, и у нее она была совершенно другая.

Настоящим другом, которому она могла доверить свои самые смелые чувства и мысли, был настоятель Полянской церкви Тимофей. Когда-то давно, когда Агафье было лет десять, ее мать сильно захворала. Бабушка Прасковья ушла в соседнее село принимать роды, помочь было некому, поэтому отчаявшийся отец вызвал священника: думали, настала пора прощаться. Однако слуга божий дал женщине какую-то настойку, прочитал молитву, и к утру больной полегчало. Агафья была впечатлена произошедшим, ей казалось, что на ее глазах свершилось чудо и сам Бог руками настоятеля Тимофея снизошел из небесного чертога и излечил ее мать. Следующим днем, едва дождавшись, когда успокоившийся отец уйдет на охоту, она быстрее лани помчалась в церковь.

Ее мучило бесчисленное множество вопросов. А как творятся чудеса? А видел ли настоятель Бога? А правда ли, что минувшей ночью сам Иисус посетил их хату и вылечил мать? А в чем чудодейственная сила молитвы? А может ли он научить ее делать такое же чудо?

- Дочка, никаких чудес нет, кроме чуда твоей веры. Все, что люди считают чудом, это просто еще не исследованные процессы природы. Чудо до тех пор чудо, пока человек не знает, как природа его делает, - говорил ей Тимофей.

- Это как, отче? - не унималась малютка.

- Ну, смотри, - продолжал настоятель. - Вот глядишь ты на мельницу. Кажется, что она крутится и перемалывает зерно сама, ведь никто же из людей ее не толкает. Это чудо?

- Нееееет, - протянула девочка. - Ее вода крутит!

- Правильно! Она приводится в действие силой воды. Это инженерия. Но ведь согласишься, пока взрослые тебе не объяснили, что вода заставляет мельничное колесо крутиться, ты считала, что мельница волшебным образом вертится сама?

- Нуууу, - замялась Агафья. - Да.

- Вот и тут так же. В том, что твоя мать поправилась, никакого чуда нет. У нее была горячка, а я всего лишь дал ей жаропонижающую настойку из трав, которые собрал прошлым летом в поле. И усилил молитвой, дал твоей матери веру, что бог с ней. Вера с лекарством сделали свое дело. Снадобья, дитя, врачуют тело, а вера – душу. Ибо с верой человек сильнее, верой своей он может творить великие дела.

- Хмм, - девочка задумчиво сдвинула бровки и продолжила. – Ну про травки мне еще бабушка что-то говаривала, она врачует... То есть это был не Бог?

- Бог есть во всем, - улыбаясь, ответил ей Тимофей. – В тебе, во мне, в каждой травинке, в камне, что лежит у тебя под ногами. Все, что нас окружает, пронизано Богом, все им создано и поддерживается. И твоя душа – это его частица, это целый отдельный мир. И знания, как врачевать, тоже от Бога.

- А Бог – это человек?

- Нет, малютка. Это нечто большее, чем человек. Мне понятнее представлять его как мощную энергию, которая движет всем живым в мире, наподобие как вода движет мельницу, или очень большим и сильным разумом.

- Это как?

- Разум-то? Как тебе объяснить. Ну вот смотри, ты же, например, прежде чем что-то сказать, молчишь, но слышишь это в своей голове, проговариваешь это без слов много раз, подбираешь фразы. И в целом в тебе постоянно идет какая-то работа. Ты молчишь, но в голове у тебя всегда много всяких слов летает, картинок. Ты как бы...

- Думаешь?

- Да! Думаешь. Вот способность думать, что-то придумывать, сознавать себя называется разумом. И вот Бог – это такой же разум, только оооочень большой! И чтобы нам было проще его понять и принять, его изображают человеком. Дело в том, что осознать, что есть на самом деле Бог, нашему уму вряд ли вообще возможно, потому нам проще воображать его по подобию своему.

- А откуда ты все это знаешь?

- Книг много читал. В них сокрыта большая мудрость. И грамоте учился в церковно-приходской школе.

- А что есть в твоих книгах?

- Да разное. Там написано, как устроен мир, как живут звери в лесу, какая трава от чего помогает, истории разные есть о людях, ходивших по земле до нас века назад. Много чего хранят книги. Умные люди что-то когда-то открывали о мире и записывали на бумагу, потом они умирали, а их записи переживали столетия и переходили к потомкам, передавая знания. И, читая книгу, можно как будто поговорить с человеком, жившим очень и очень давно.

- Батюшка Тимофей... - робко промолвила малютка.

- Что, дочка?

- А научи меня...

- Чему?

- Ну, это... с умными предками беседовать. Через бумагу. Как ты.

- Читать, что ли?

- Да!

- Да зачем это тебе, Агафьюшка?

- Я тоже хочу много знать!

- Ну, коли хочешь, можно попробовать. Попытка не пытка.

Так началась многолетняя дружба настоятеля Полянского монастыря Тимофея и юной селянки Агафьи.

Тайком, пока родители работали на барских полях, девочка убегала в церковь. За несколько месяцев она выучила практически весь алфавит и начала складывать первые про-

стые слова. Тимофей не мог нарадоваться успехам способной ученицы. К тому же, он был рад, что может передать свои знания девочке и открыть ей доступ к миру, недоступному большей части населения Российской империи: к книгам и мудрости. Настоятель рассказывал ей истории и волшебные легенды, объяснял, почему небо голубое, а трава зеленая, учил, что у каждого живого существа есть душа и ее нужно любить и уважать. И мужчина видел, насколько жадно Агафья хватала любые знания.

Родители, будучи заняты тяжелым трудом, несколько лет не замечали увлечения дочери. А она им не говорила: почему-то знала, что не одобряют. Зато делилась успехами с бабушкой, и последняя от всего сердца поддерживала внучку. Прожив много лет, она внутренне чувствовала, что мир меняется, и считала, что грамота может пригодиться внучке в будущем. К тому же, ей льстило, что Агафья стала активнее интересоваться врачеванием, и старушка с жаром передавала внучке все свои знания, учила ее различать травы и рассказывала, какое растение от какого недуга помогает. Они вместе собирали мураву, сушили, смешивали, готовили настойки, и уже к пятнадцати годам Агафья наравне с бабушкой принимала страждущих. Более того, к этому моменту она уже научилась бегло читать и немного писать и приносила домой новые рецептуры, подчерпнутые из монастырских книг.

О том, что дочь обучается грамоте, родители узнали случайно: в одну из поездок на городской рынок, когда Федор, отец девочки, выбирал утварь для дома, она забылась и вслух по слогам прочитала надпись на единственной вывеске. Агафья говорила тихо, думая, что в толчее ее никто не слышит, но отец услышал. И не понял.

- Чего ты там мямлишь? – обратился он к ней.

Рынок и так требовал внимания, чтобы не обманули и не обокрали, а тут еще дочка отвлекает какой-то белибердой.

Агафья испугалась и замолчала. Сжалась в комочек.

- Хех, да она только что прочитала, что на вывеске намалевано, - подбоченясь, со смехом ответил на его вопрос торговец утварью. – А написано там, что это – городской рынок. Мы чай это уже наизусть знаем, хотя сами неграмотные, ибо много годков тут торгуем. А ты, видать, не знал, что ли, что девка у тебя читать умеет? Папаша!

Федор покраснел. В этот момент он пережил и шок, и унижение: не знать, что твоя дочка грамотная – это уже слишком. Да и откуда? Где она нахваталась этой блажи? Они ведь с матерью неграмотные. Не может такого быть.

И тут мужчина все понял.

В семье знали, что Агафья частенько убегает в церковь, но не придавали этому значения: считали, что набожная шибко, да и радовались, что внимания не требует, под ногами не путается. А оно вот как! Настоятель Тимофей научил ее буквы в слова складывать!

- Это что сейчас было? – Федор схватил дочку за руку и гневно, с силой оттащил в сторону. – Отвечай!

Агафья молчала и плакала.

- Это настоятель тебя этой блажи научил?

В ответ только слезное хлюпанье носом.

- Все понятно. Ну, получит он у меня! И не посмотрю, что человек божий!

- Папенька, не надо! – только сейчас, когда угроза нависла не только над ней, но и над ее учителем, ее другом, она заговорила. – Не надо! Он не виноват, я сама очень его просила!

- И зачем же?

- Хотела так же много знать, как он.

- Бабе это ни к чему! Твое дело – белье мужнино стирать, стряпать да детей рожать, для этого грамота не нужна! Я вот всю жизнь живу без нее и не тужу, и голова моя не болит. А ты блажь какую удумала!

Домой вернулись скоро и без покупок. Вечером состоялся семейный совет.

Агафья, маленькая и хрупкая, в белой нательной рубаше, с распущенными волосами стояла, как преступница перед судьями. С основными обвинениями выступал уже остывший, но не изменивший своего мнения отец.

- Пойми, дочка, - увещевал ее он. – Ну не может женщина быть умнее мужа. Испокон веков так было. Какому мужику ты будешь такая мудреная нужна, когда у нас все поголовно неграмотные? Да ты же в девках всю жизнь останешься!

Вопрос замужества дочери был для Федора болезненным. Так уж получилось, что в своей семье Агафья была единственным ребенком. Трое ее сестер умерли во младенчестве кто от голода, кто от болезни, а ее старший брат Васька в возрасте пяти лет попал под коня на выпасе. Не доглядели. Мощными копытами животное быстро расправилось с мальчиком, и с тех пор Агафья осталась одна. У убитых горем родителей уцелел лишь один ребенок, и они очень боялись, что с ней что-то случится, поэтому иногда, когда вспоминали, что дочка не трава и нуждается в воспитании, перегибали палку. Ради ее блага, конечно же. В своем страхе вечного девичества дочери и следующей за ним погибели рода он был искренен, поэтому хотел поскорее реализовать свою отцовскую функцию и пристроить Агафью замуж, чтобы рожала внуков. Будучи сыном своего отца и внуком своего деда, он не имел ни одного шанса взглянуть на ситуацию иначе. Он не мог и представить, что дочь может выбирать мужчину сама, по своему разумению, и не быть отвергнутой. Браки устраивают родители по уму, а не по блажи. И Федор искренне считал, что грамота погубит Агафью и из-за нее их род прервется.

- А я думаю, что ты неправ, Федя, - отозвалась бабушка, которая невозмутимо сидела на сундуке и вязала носок, будто эта публичная порка ее не касалась. – Посмотри, что происходит. На дворе уже 1913 год, крепостное право давно отменили. Хватит обращаться с дочкой, как со своей рабыней. Ты разве не чувствуешь, что витает в воздухе? Да к нам в село по несколько раз в год приезжают агитаторы, обещают лучшее будущее, призывают восстать, упаси, Боже, против царя. Грядет великая смута, сынок. И лучше, если Агафья будет к переменам в жизни готова, если она будет умна и мудра, чтобы самостоятельно принимать верные решения. Нас ведь рядом с ней не будет.

- Не носи чушь, мать, - зло отмахнулся от нее Федор. – Мало ли кто что треплет на улице. Царь – это святое, он всегда был и всегда будет! И ничего в жизни не поменяется! Нечего забивать девке голову ерундой!

К слову сказать, через 4 года он погибнет на полях Первой мировой войны. Он успеет узнать о свержении царя и расстреле семьи Романовых, успеет увидеть зародыш гражданской войны и осознать, как сильно меняется мир. И вспомнить пророчество матери. Но сейчас он был непреклонен.

- Повторюсь, бабье дело – щи варить да детей рожать! Все! Ты бы лучше стряпать у матери поучилась, чем к этому попу бегала!

Агафья вспыхнула.

- Федя, будь помягче, пожалуйста, - робко обратилась к мужу мать Агафьи. – Она же ребенок.

- Пелагея, лучше не лезь, - дыша гневом, злобно бросил жене Федор.

Однако женщина не заметила предупреждающих искр во взгляде и повернулась к дочери. Или сделала вид, что не заметила.

- Доченька, - Пелагея явно пыталась сгладить острые углы этого вечера. – Не сердчай, отец просто переживает за твое будущее.

Безропотная покорность матери возмутила Агафью до глубины души. Она не углядела мягкого материнского порыва защитить дочь и призвать мужа к рассудку. Все, что видела сейчас девочка – это ее полное повиновение супругу и отсутствие своего голоса, своего мнения.

«Вот она, истинная жена, – зло подумала Агафья. - Сидит, как тень, слово поперек сказать боится! Со всем соглашается. Как рабыня!»

И она заговорила.

- Папа, я с тобой не согласна! – голос Агафьи, твердый и решительный, прогремел на всю хату.

Отец удивленно сдвинул брови. В глазах матери яркой вспышкой проскользнул страх. Бабушка же лукаво улыбнулась и подмигнула внучке, поддерживая ее.

- Что ты сказала? – с придыханием, будто ему сдавило грудь, спросил отец.

С неповиновением дочери он столкнулся впервые.

- Я сказала, что не согласна с тобой! – уверенно подняв голову вверх, повторила Агафья, а затем добавила. – Почему жить, как хочется, можно только вам, мужчинам? Почему только вы можете выбирать? Почему вы навязываете женщинам удобные вам вещи? Почему женщина для вас – это прислуга, которая обслуживает вашу жизнь? О том, что мы чувствуем, чего хотим, вы никогда не думали? Вас это не волновало?

Взрослые ошарашенно молчали. Случилось неожиданное: Агафья впервые выразила свое мнение. Это был бунт против родителей, которого прежде и представить было невозможно. Права была Прасковья: перемены уже не просто были на пороге, они уже входили в жизнь.

- Так вот, - со знанием дела продолжала девочка. - Папа, я не как большинство наших девок, которые, задрав юбки, прыгают в крапиву развлечения ради. Мне не интересно обжиматься под забором с видными, как ты говоришь, хлопцами, которые мышей боятся и по каждому синяку к мамке бегут. Я не хочу замуж ради замужества, я хочу по любви. Я хочу сама выбирать.

На этих словах она замолчала, оценивая реакцию слушателей. На нее смотрело четыре осуждающе-пораженных глаза, и только бабушка глядела на девочку тепло и поддерживающе.

- И знаешь ли, - выдержав паузу, возобновила свою речь Агафья, - книги, которые есть в монастыре, и общество отца Тимофея оказываются полезнее и интереснее общества местной молодежи.

Девочка вновь умолкла. Немного подумав, они тихо, как будто в последней попытке достучаться до семьи, продолжила.

- Поймите, я другая. Я хочу жить интересную для меня жизнь. Я хочу ей радоваться и быть собой, а не бессловесной тенью своего мужа, как ты, мама. Мне тесно в границах этого мирка, я хочу большего. И грамота дает мне возможность улететь хотя бы мыслями в далекие дали, посмотреть на других людей, узнать их думы. Бабушка не даст соврать, многие лечебные смеси трав я подчerpнула тоже в библиотеке отца Тимофея. Это полезно! И как хотите, нравится вам это или нет, но это часть меня, и вам остается это либо принять, либо нет. И отца Тимофея попрошу не трогать: вы все равно ничего не измените.

- Умница, внучка, - едва слышно прошептала Прасковья и кивнула ей головой в знак одобрения.

Федор гневно метнул глазами в сторону матери и прошептал:

— Это все твое дурное влияние!

Это был первый раз, когда Агафья во всеуслышание заявила о своих желаниях и отстояла их. После этого отец потихоньку смирился и принял «дочнину причуду», однако разговор с отцом Тимофеем он все же имел.

Федор пришел к нему дождливым днем неделю спустя. Из-за непогоды работать в поле было нельзя, потому у него было время зайти в церковь и поговорить с настоятелем. Тем более, хорошенько подумать обо всем он уже успел.

- Отче, почто взял на обучение мою дочь? – Федор мямл шапку на пороге алтарного зала.

- Сама она пришла и попросила, - зажигая свечи, ответил настоятель.

- И ты не отказал ей?

- Разве можно отказывать душе в мудрости, когда она к ней стремится? Сынок, это преступление против природы человека.

- И как давно вы занимаетесь?

- Годка три уже.

Федор застонал и с шумом опустился на церковную лавку. Как он столько лет мог оставаться в неведении? Ничего не замечать? Что он за отец такой? Мужчина долго молчал, глядя в щель между половыми досками, а потом на выдохе выпалил.

- Да кому ж она теперь нужна такая ученая? Я же замуж ее не выдам!

В его словах было столько искренней боли, столько страха, столько тревоги, что настоятелю стало его поистине жалко: вековая дремучесть навесила на глаза людей такие тяжелые шторы, сквозь которые свету очень трудно пробиться. Святой отец подумал, что народ словно живет в тюрьме, созданной своими руками, и боится расширить границы своего мира, помыслить свободнее. Быть ограниченным самим собой – самое страшное, что человек может для себя сотворить.

- А ты и не выдавай, - спокойно произнес старец, глядя на потерявшего дар речи Федора. – Сама выйдет. Эта девушка в состоянии сама устроить свою судьбу.

- Да где это видано, чтобы девка сама решала! Еще и мужа себе сама выбирала! Меня же все село на смех поднимет! Отцы наши жили так, как мы, деды, прадеды, а теперь что? Вольнодумная она какая сделалась на книгах твоих, дерзкая!

- Другие времена сейчас наступают, Федор. Молодежь становится смелее, и это хорошо. И дочка твоя очень умная, тебе бы в пору гордиться ею, а не стыдиться. И за судьбу ее не переживай, она свою дорогу в жизни найдет. Все под Богом ходим.

После этого Федор с большим трудом, но окончательно принял занятия своей дочери. Слова настоятеля, что его дочь умная и он должен ею гордиться, польстили ему, и он решил, будь что будет. Как говорится, чем бы дитя ни тешилось, да лишь бы не плакало. Но жениха ей все равно присматривал: надеялся, что, если поскорее выдаст ее замуж, некогда ей будет уже за ученостью тянуться. Все-таки, несмотря на все обстоятельства, впитанный с молоком матери патриархат был внутри него сильнее всего. Но ни одна его попытка устроить судьбу Агафьи не увенчалась успехом: дочка чудесным образом расстраивала все смотрины.

Однако с тех пор он официально позволил Агафье ходить в церковь и читать там «эти, как их там, а, книги, во!»

И вот сейчас, будучи уже двадцати лет от роду, девушка была для односельчан как не от мира сего. Красивая, зеленоглазая, с длинными русыми волосами, она достаточно много знала и слыла за ведьму. Она умела врачевать, могла дать дельные бытовые советы и, что самое главное, вопреки опасениям отца, о ней грезил едва ли не каждый мужчина в округе. Она обладала мощным природным магнетизмом, перед которым едва ли возможно было устоять, поэтому мужики засматривались на нее, а женщины завидовали. Однако самой Агафье пристальное внимание мужчин не было интересно: они казались ей пустыми и недалекими.

С воздыхателями девушка держала холодную отстраненность, но это только больше разжигало их пыл, несмотря на то, что завладеть даже вниманием молодой селянки не удавалось никому. Да и мужчины, по правде говоря, вопреки поглощающему влечению, побаивались ее, ибо понимали: поматросить и бросить не выйдет. «С такой, как она – это либо жениться, либо не трогать», - говорили они. И в большинстве своем предпочитали не трогать, позволяя себе лишь томные воздыхания, поскольку жениться на умной для них означало быть дураком. Мало находилось смельчаков, готовых всерьез завоевывать ее сердце и повести девушку под венец.

Так и жила она среди людей как чужая.

Глава 2. Лазарет

Тишину раннего утра нарушил настойчивый стук в дверь.

Агафья вставала с первыми петухами, для нее бодрствование в предрассветные часы было привычным делом, но гости в такой час – это что-то необычное. Разве случилось что.

Девушка отложила в сторону хорошо просушенный зверобой, который сматывала в пучки на хранение, накинула на плечи большую вязаную шаль и бесшумно подошла к двери. На печи, разбуженная шумом, засуетилась мать. Агафья знаком показала ей, что разберется сама и беспокоиться нет нужды, поэтому женщина решила не спускаться. Она уже давно стала предпочитать активной жизни покой. Так уж случилось, что совсем недавно мать и дочь остались вдвоем. Сперва, когда отец ушел на фронт, умерла бабушка: не выдержало сердце. Потом пришло известие, что Федор пал смертью храбрых, и с тех пор Пелагея ослабла и сникла, никакие снадобья не могли вернуть ей душевное равновесие и желание жить. Без мужа все стало для нее безразличным. Глядя на это, Агафья понимала, что не имеет права быть слабой. Все домашние обязанности легли на ее плечи: она занималась огородом, следила за скромным хозяйством и ухаживала за матерью. И все у нее спорилось: картошка была крупнее и чище, чем у соседей, курицы несли больше яиц, и молоко козы Машки было самое вкусное в округе. А все дело было в том, что каждый свой день девушка начинала с внимания к подопечным, разговаривала с ними, делилась мыслями, общалась, как с друзьями. И траву для Машки выбирала тщательно, добавляя к ней ветки березы, шиповника, яблони, клена. Поэтому ее молоко получалось таким вкусным и душистым.

Верной подругой во всех делах Агафьи была серая кошка Василиса. Каждое утро, важно подняв пушистый хвост, она вместе с хозяйкой выходила во двор и деловито осматривала владения, иногда задавая курам порку. Сейчас она мирно спала у печи, свернувшись калачиком и спрятав морду в свою пушистую шубку, однако стук в дверь заставил ее поднять голову и насторожиться.

- Кто там в такую рань? – подойдя вплотную к двери, спросила Агафья.

- Советская власть пришла, открывай! – ответил ей нетвердый, ломающийся мужской голос.

- И что это советской власти понадобилось от простой девушки с первой-то зарей? – открывать дверь Агафья не спешила.

- Ты, девка, зубы-то не заговаривай, - снаружи начинали нервничать. – Открывай! Помощь твоя нужна, человек умирает.

Агафья распахнула дверь. На пороге стоял шуплый молодой человек в красноармейской гимнастерке, явно растерянный и уставший. Буденовка на его голове смешно съехала на бок, обнажая неестественно оттопыренное ухо. Волосы, намоченные от утренней росы, неряшливо прилипли ко лбу, сквозь гимнастерку проступали мокрые пятна пота. Было видно, что при- был юноша издалека. Девушка перевела глаза на привязанного к забору коня и поняла, что не ошиблась.

- Ты откуда такой и что тебе нужно?

- Из соседнего села Порожки, - ответил гонец. - Наш председатель ранен, за тобой послал. У нас есть там медсестричка, но лекарств нужных нет, и она не знает, что делать. А молва о тебе далеко идет, и Егорыч велел тебя привезти.

Егорыч. Агафье все стало понятно.

Когда в их края пришла советская власть, во всех деревнях стали устанавливать свои органы самоуправления. В местные Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов набирали инициативных мужчин, желательно с боевым опытом и ярко выраженной рабоче-крестьянской позицией. Причем идейность и нравственная раскованность здесь играли ключе-

вую роль. Стране нужны были горячие местные руководители, способные любыми средствами навести нужный порядок и насадить новую идеологию. Огнем и мечом, как говорится. Таким образом в Полянах появился председатель, равно как и в соседних деревнях, и подчинялись они напрямую председателю Тихвинского городского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Поскольку земли эти прилегали к занятому красными теперь уже Ленинграду и входили в состав РСФСР, на них советская власть уже утвердилась и закрепилась, стычек с представителями Белого движения практически не было, за исключением разве что северной части губернии, где шли ожесточенные бои за Петроград. Однако всех тех, кто не выражал явного одобрения новой власти и пытался держать нейтралитет, все равно приравнивали к белым и считали врагами народа.

Вот тогда Егорыч и стал председателем соседних Порожков. Как идейный, жаждущий власти и не боящийся замарать руки.

Агафья знала его с детства. Все-таки, так или иначе, в соседних селах почти все друг друга знали. Он был ее старше лет на 10 и часто бывал в Полянах, а еще чаще стал бывать после своего назначения. И каждый раз он норовил встретиться с девушкой и добиться ее взаимности. Она нравилась ему уже много лет, и он мечтал сделать ее своей женой, однако не из большой любви, а из тщеславия: получить трофей, который до сих пор так и не упал ни к чьим ногам, было для него вызовом. Но и тешиться с другими девками не считал зазорным. «А что, - говорил он, - при советской власти абсолютно все общее, включая баб!»

Разумеется, так не было. Однако покичиться своей властью и правом на все очень хотелось. Но, отбирая чужое, свое Семен никогда не отдавал.

Услышав, что помощь нужна именно ему, Агафью передернуло. Он был ей неприятен до глубины души, его мужицкие повадки ее раздражали, но еще больше ее выводила из себя его самодовольная тупость. Ничего собой не представляя, он мнил себя властелином мира и считал, что ему должны поклоняться. И не переносил, если ему перечили. Справедливо будет сказать, что девушка бы предпочла не вмешиваться и нисколько бы не расстроилась, если бы через несколько дней до нее дошла весть, что он умер. Однако отказать в помощи она не могла - нельзя дать человеку, каким бы он ни был, умереть, если ты можешь помочь. Агафья тяжело вздохнула.

- Что с ним случилось? – как бы между делом спросила она у посыльного.

- Я ж говорю, помирает он, шевелись скорее, не то мне голову снимут, - раздражаясь, нервно протараторил юноша.

- Да нет, ты пойми. Мне нужно знать, что конкретно стряслось, чтобы взять с собой нужные снадобья. Увезти всю хату я не могу, кобыла сдохнет, - съязвила Агафья.

Ехать к Семену Егорычу ей явно не хотелось.

- Ну, енто, - посыльный шмыгнул носом и вытер его тыльной стороной ладони, размазывая по лицу налипшую на руки грязь. – Ему плечо поранили, и в драке рожу ножом рассекло, вооооот так.

И он, выпучив глаза, ребром руки показал рану.

- Дурень, - Агафья с силой ударила его по ладони, разрушив эту пантомиму. – На себе не показывай! Примета дурная. Это все?

- Не, его чай псина еще зубами жмякнула, вот сюды.

И, забыв наставление Агафьи, он опять принялся показывать. Юнец обхватил руками голень и показал размер раны.

- Сказала же на себе не показывать! – прикрикнула на него девушка.

- Звиняй, хозяйка, - сняв буденовку и растерянно опустив очи долу, промямлил незванный гость. – Ну что, едем ужо?

- Погоди немного, я сейчас соберу все, что надо, и поедем.

Затем девушка поправила на себе шаль, развернулась и ушла в дом, закрыв за собой дверь. Она прошла в комнату, погладила сонную кошку и принялась за сборы. Ей нужны были обеззараживающие снадобья, и, не зная, насколько плохи дела Егорыча, она взяла с собой все, что было - ромашку, календулу, зверобой, тысячелистник, полынь, подорожник, шалфей и чагу. Тысячелистник ей пригодится для того, чтобы остановить кровотечение, поэтому Агафья прихватила его побольше. Для этих же целей она взяла крапиву и корень кровохлёбки, которые сворачивают кровь, пастушью сумку, стимулирующую сокращение сосудов, и отвар из коры калины, оказывающий благотворное воздействие на сердце. На всякий случай она положила в свою сумку несколько глиняных бутылочек обезболивающих отваров и нитки с иглой: судя по всему, придется накладывать швы. Спирт девушка не брала: было бы глупо думать, что в штабе красной власти его нет.

Вызвав в памяти лицо Семена, Агафья убедилась в своей правоте - спирта там более чем достаточно.

Сообщив матери, что она уезжает в соседнее село и, возможно, вернется нескоро, девушка вышла на крыльцо. Большевик, растопырив ноги, курил на лавке. Увидев ее, он кинул папиросу на землю, растер ее подошвой своих военных сапог и спросил:

- Готова?

- Готова, - нехотя ответила Агафья.

Гонец встал и направился к лошади. Подойдя к коню, он запрыгнул в седло и кивком головы пригласил девушку занять место позади него. Агафья выразительно вскинула бровь.

- Чего? Прыгай, я говорю, - удерживая коня на месте, сказал юноша.

- Не – не – не, - девушка замахала головой. – Я с тобой не поеду. Я на своем.

Ей не хотелось ехать в обнимку с каким-то мужиком, а еще больше ей не хотелось зависеть от него. Ведь, чтобы уехать обратно, тоже нужно будет, чтобы ее отвезли. А они могут этого и не сделать. Просто выпихнут на улицу и скажут, чтобы топала пешком. Да и быть чем-то хоть мало-мальски обязанной Семену она не хотела: слишком липкие руки у него были.

Гонец посмотрел на нее как на сумасшедшую, но спорить не стал. Хотя ему было неприятно, что Агафья пренебрегла его обществом, ибо приглянулась ему девка. Не зря говорят, что ведьма!

Селянка быстрым шагом подошла к воротам небольшого хлева, в котором держала своего коня, толкнула дверь, которую она предусмотрительно уже открыла изнутри, и скрылась в пристройке. Спустя пару минут она вывела своего скакуна наружу, затворила дверь на крючок и ловко вскочила в седло.

Молодой большевик рот открыл от удивления: настолько быстро и красиво она взмахнула на спину жеребца, что многие конники могли бы у нее поучиться. И как красиво в этот момент взметнулись ее косы, и показавшиеся из-под юбки голени, которыми она обжимала коня, прямо притягивали его внимание. Глазами на ее ногах он задержался дольше, чем хотел и чем того позволяли приличия.

- Хватит глазеть, - своей нескрываемой насмешкой Агафья вывела его из ступора. – Вроде ты говорил, что председатель ваш помирает, каждая минута на счету. Поехали!

Она прищипорила коня и легкой рысью выехала на дорогу. Юнец, покрасневший от досады, последовал за ней.

- Тебя как звать-то? – спустя десять минут молчаливой езды спросила Агафья.

- Прошкой кличут, - ответил юноша. – А тебя Агафьей, кажись?

- Все верно, - ответила девушка. – Прохор, значит. А скажи-ка, Прохор, тебя как вообще в прихвостни Семена-то занесло?

- Ну, как и всех. Сходил на войну, а там революция, ну, я и поддержал товарища Ленина. Чего одни буржуи только жируют? Меня и приняли на службу новой власти.

- Жируешь теперь? – не без издевки спросила Агафья.

Прохор не понял иронии.

- Не, как был нищ, так и остался. Но зато я – власть! Мне все подчиняться должны. Я могу бар обчищать, обирать их до нитки и мне никто ничего не сделает, я буду прав. Энто, как его там, социальная месть, во!

- Смешной ты, - сказала девушка, а затем, немного подумав, продолжила. – Ну, хорошо. Социальную месть господам я еще могу понять, это воздаяние за крепостное право, за крестьянский труд. Но вы же грабите не только их. Вы обычных людей, которые своим трудом себе хозяйство наладили, которые сами много скота, зерна вырастили, - вы же их точно так же грабите. Они же не господа, почему?

- Потому что все должны быть равны!

- С одинаково голой задницей, ты хочешь сказать.

- Енто все на благо рабоче-крестьянского народа!

- Который пухнет от голода, потому что вы все до крохи отобрали и в Петроград отправили. Ну и себе припрятали, конечно. Не рассказывай мне сказки, - Агафья пренебрежительно махнула рукой, словно знала, как устроена большевистская «кухня». - Лично я считаю, что ничего плохого в том, что человек хочет хорошо жить, трудится ради этого и имеет результат лучше, чем у других, нет. Он это не украл, не одолжил. Он всего добился сам, потом и кровью. А зависть – нехорошее чувство.

- А твоего мнения никто и не спрашивал, - обиженно прошипел Прохор. – Советская власть и сам товарищ Ленин лучше знают! Твое дело – председателя вылечить, а не крамолу трепать.

- Что-то подобное я уже слышала, - едва различимо произнесла девушка и перешла на галоп.

Дальше скакали быстро и в молчании. На горизонте начинало вставать солнце. Его лучи золотой паутиной пробивались сквозь утренний туман, который под своей тяжестью лнул к земле. Еще немного, и живительной влагой он растворится в ней, напитывая силой каждую травинку. А пока всадники, несущиеся навстречу ветру, всей кожей ощущали его свежесть. Солнце золотыми бликами играло в капельках росы, свисающих с еловых веток, и лесная дорога все больше напоминала золотое царство из сказки. Даже сейчас Агафья, скакавшая на большой скорости, успевала заметить, насколько красив мир вокруг. Она всегда это успевала.

Спустя час быстрой езды девушка и ее провожатый спешили возле бывшего барского дома, где располагался Порожковский местный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Пока Агафья привязывала своего коня к балке усадебного крыльца, к ней неслышно подошел Прохор.

- Агафья, ты, это... извини меня, - юноша теребил свою шапку, слова давались ему тяжело. – Ну, что я груб был с тобой. Я не хотел тебя обидеть.

«Ого! – подумала Агафья. – Это что-то новое! Чтобы красная власть и извинялась – впервые такое вижу. Все-таки прав был отец Тимофей, люди есть везде».

А вслух сказала:

- Я не серчаю, спасибо за добрые слова. Ну, что, пойдем?

И они направились в занимаемые местным Советом депутатов комнаты. Кабинеты советской власти размещались на первом этаже правого крыла усадьбы. Там прежде располагались рабочий кабинет помещика, столовая, гостиная и будуар. Кабинет занял председатель, столовую и гостиную оставили для проведения переговоров и попоек, а будуар отдали под лазарет. Именно там сейчас Семен Егорыч ожидал помощи.

Едва поднявшись по высокому добротному крыльцу, сложенному из дуба, и войдя в дом, девушка почувствовала, как в нос ей ударил крепкий запах табачного дыма и алкоголя. Из-за плотного смога в коридоре, ведущем к лазарету, ничего не было видно. Агафья, непривычная

к едкому папиросному дыму, закашлялась. Прохор аккуратно взял ее под руку и сопроводил до комнаты, в которой находился председатель.

Еще издалека Агафья услышала какой-то шум, смех, но сейчас, зайдя в прокуренное помещение, она увидела следующую картину.

Никто не умирал, как было преподнесено ей пару часов назад. Наоборот, председатель был довольно бодр и, полулежа на дорогой кушетке, закинув больную ногу на табурет перед столом, играл с товарищами по партии в «дурака». Его щека и предплечье были небрежно залеплены пластырной тканью, однако боль не мешала Егорычу жить привычной жизнью. Держа в одной руке карты, а в другой папиросу, он не походил на больного от слова совсем. На столе рядом с ним стоял стакан с самогонном.

Помимо него в маленьком помещении было еще человек пять. Все были изрядно пьяны.

- О, ведьма моя пожаловала! - увидев на пороге Агафью, свистяще-шепеляво прогорла-нил Семен.

Он улыбнулся беззубым ртом и затушил сигарету прямо о красную столешницу из вишневого дерева.

«Какое варварство, - подумала Агафья. - Никакой жалости к красоте. Хотя, о чем это я».

А вслух нарочито громко, чтобы все слышали, произнесла:

- Я не твоя, Семен. И я не ведьма. И вообще я надеялась, что ты уже помер, пока я ехала. Работы было бы меньше.

Эту ее реплику собравшееся здесь общество встретило веселым смехом.

- Не дожدهшься, Агафьюшка, - взяв стакан самогона и отпивая из него маленькими глоточками, чтобы не тревожить рану на щеке, ответил ей председатель. - Ты еще на нашей свадьбе перед всем народом «люблю» скажешь!

Агафью передернуло. Это был самый страшный кошмар ее жизни. Даже умереть было не так страшно, чем иметь перспективу сделаться женой этого ублюдка. Она поймала на себе взгляд Прошки - сочувствующе-виноватый.

- Хорошая у тебя фантазия, Семен, - отмахнулась от него девушка. - Но давай к делу, не досуг мне тут с вами лясы точить.

- Я бы встал к тебе, да не можетя шибко, потому ты сама подойди да посмотри на мои раны, - с этими словами председатель еще более вальяжно развалился на кушетке.

Агафья шагнула в комнату. К запаху дыма и алкоголя примешался запах пота и нести-ранных мужских портянок.

- Я, пожалуй, окно открою, а то у вас тут умереть от удушья можно.

С этими словами девушка прошла сквозь весь будуар к окну и распахнула стеклянные створки. Да, в барском доме, в отличие от крестьянских хат, было стекло тонкой работы, и новым хозяевам этих комнат хватило ума их не выбить.

В комнату ворвался холодный поток свежего воздуха. Агафья вдохнула его полной грудью и подумала, что в жизни ее не хватает такого же освежающего дуновения. Ей хотелось перемен. Ей хотелось жить, а не существовать. После смерти отца и бабушки дни ее стали однообразными и удушающе рутинными, каждые новые сутки состояли из одинаковых занятий, она даже почти перестала бывать у отца Тимофея и читать с ним книги. У нее уже не было ничего, что заставило бы ее чувства встрепенуться и взлететь к звездам. До вчерашнего дня. Вчера с ней что-то произошло.

Из глубоких дум ее вырвал раздраженный шипящий голос председателя.

- Ну ты долго там будешь копать? Я помереть должен?

«Было бы неплохо», - подумала Агафья, а потом обреченно выдохнула и направилась к Семену.

Подойдя к нему, она вытащила из-под заваленного пеплом и объедками красивого стола табуретку и присела рядом с больным. Начать она решила с собачьего укуса. Аккуратно при-

двинув ногу председателя к себе, Агафья не спеша стала снимать с уже подзасохшей раны кусок проспиртованной марли. Она потихоньку поддавалась, но местами ей приходилось примачивать, чтобы снять максимально безболезненно. Семен периодически стонал, наблюдая то за карточной игрой товарищей, в которой он уже не участвовал, то за Агафьей.

- Самогоном обрабатывал? – оторвав, наконец, марлю и откинув ее в хозяйское ведро, спросила Агафья.

- Ну а как же, - театрально жеманясь, ответил председатель. – Я его и наружу, и внутрь, чтобы наверняка!

Эту его реплику в комнате встретили пьяным смехом.

Как будто не замечая ничего, что происходит вокруг, отрешенная от всего, Агафья раскрыла свою сумку и достала из нее травы. Следом оттуда показались деревянная плошка и толокушка. Девушка отщипнула приличную горсть сушеной полыни и бросила в миску, затем добавила туда ромашку и тысячелистник и принялась усиленно растирать эти травы в порошок. Когда они превратились в пыль, она извлекла из сумы какую-то маленькую бутылочку и вылила ее содержимое в травяной порошок. По комнате разлетелся едва уловимый в общем смраде горький аромат полыни. Агафья взяла чистую марлю, смочила ее в получившемся зеленоватом составе и выжала его на рану председателя.

Он истошно заорал.

Его товарищи быстро повскакивали с места, готовые броситься на девушку сию же секунду.

- Спокойно, - оборонительно вытянув руку, твердым голосом сказала она. – Это травы. Если их смешать, из них получается жгучее, но эффективное снадобье. Оно выжигает всю заразу, которая уже успела поразить мясо. Поэтому ему и больно: жжется – значит работает.

На лбу председателя выступила крупная испарина. Он смотрел на Агафью большими испуганными глазами, кровь отхлынула от его лица, и сейчас он был еще менее привлекателен, чем обычно. Глядя на него сейчас, она вдруг вспомнила того, другого.

Она встретила его вчера днем на залитом солнцем песчаном берегу реки. В этих же Порожках. Девушка ездила туда проведать девочку, которую недавно лечила от тяжелой горячки. Повидавшись с ребенком и убедившись, что опасность окончательно миновала, она оставила ей настойку для укрепления организма и отправилась на речку. Почему-то ее туда прямо тянуло. Агафья поила своего коня, когда появился он.

Красивый. Крепкий. Поджарый. Видно военную выправку. Волосы цвета ржи и такие волнистые, что хотелось погладить. И удивительно глубокие, как пасмурное небо, глаза. Мудрые. Добрые. Когда она его увидела, что-то в ней щелкнуло, и привычное ей холодное безразличие растаяло и растворилось в каком-то теплом потоке. Даже жарком. Девушка растерялась и, к своей досаде, толком не спросила, кто он и откуда. Лишь дерзила ему, игралась с ним. Теперь она размышляла, почему так глупо повела себя, и поняла, что просто испугалась. Нахлынувшее на нее чувство было ей незнакомо, оно заполняло всю ее с ног до головы, и ей проще было спрятаться от него за панцирем неуязвимой хозяйки своей жизни, чем отдаться ему. О таком Агафья знала только из книг отца Тимофея и из его рассказов.

Сейчас она жалела, что ничего не узнала об этом мужчине. И не сказала ему даже своего имени. Девушка чувствовала, что этот красивый всадник пережил те же чувства, что и она. А вдруг это та судьба, тот глоток свежего воздуха, который она так ждала? И она все так бездарно упустила... Селянка думала о нем часто. Вспоминала его лицо, глаза, голос, возвращалась в момент их встречи и все переигрывала, потом представляла, что он нашел ее и увез куда-то далеко, как царевну. Да, Агафья мечтала, что он ее найдет. Она этого очень хотела.

А еще ей этой ночью приснился сон. Она видела встреченного ею мужчину. Они резвились в поле и радости не было предела, однако потом что-то случилось. Незнакомец словно прирос к земле и пытался до нее дотянуться, однако не мог, и она чувствовала жуткую тревогу.

Как будто должно было случиться что-то страшное, как будто у нее его отнимают раз и навсегда. Агафья подбежала к мужчине, схватила за руку, желая от чего-то спасти, и проснулась. Что это было, девушка не знала, однако какое-то смутное чувство беспокойства поселилось в ее душе с тех пор. Хотела бы она знать, где сейчас этот добрый молодец и все ли у него в порядке.

«Эх, увидеть бы его хоть еще разок», - думала Агафья.

Но все, что она видела сейчас – это ненавистное, пропитое, недалекое, изъеденное завистью, ненавистью и похотью лицо Семена.

- Терпи, - безжалостно-жестко сказала она, глядя, как корчится от боли председатель. – Сейчас я еще сшивать буду.

Она вынула из сумки иглу с ниткой, завязала на последней узелок и все это нехитрое приспособление облила самогоном из стакана Семена. Едкая отравка, к неудовольствию большого шевика, пролилась на пол и сквозь щели между досками убежала в землю.

- Ты, девка, шибко-то не разбазаривай добро, - пробурчал председатель, которому и в состоянии, близком к болевому шоку, было жалко этого пойла.

- Хочешь, чтобы у тебя нога сгнила? – невозмутимо спросила девушка. – Могу тогда вообще ничего не обрабатывать.

- Ну ладно, ладно тебе, - примирительно ответил Семен.

Он откинулся на кушетке поудобнее и предусмотрительно зажал между зубами резную ручку деревянного ковшика, которым они черпали воду из стоявшего на столе ведра. Знал, что будет больно.

Агафья сжала пальцами края рваной раны и аккуратно проткнула их иглой. Председатель откинул голову на вышитые шелковыми нитями подушки и завыл. Девушка, не обращая на это внимания, протащила иглу вперед и стянула рану нитью. Так она повторяла до тех пор, пока не наложила шов на весь укус. Семен дергался, кричал, но ей это было безразлично. Она просто делала свою работу, и спустя несколько минут все было готово. Затем она проделала все то же самое с предплечьем председателя, которое на самом деле было просто поверхностно разорвано пулей, и жутким порезом на лице. Щеку сшивать оказалось труднее всего, ибо Семен все время дергался, вопил и хватал ее за руки, мешая врачевать. Протыкая рыхлую кожу иглой, Агафья думала, что и без того уродливое лицо председателя теперь станет еще ужаснее.

- Ну, вот и все, швы затянутся, и будешь как новенький, - резюмировала Агафья. – Однако шрам на лице останется, тут я помочь ничем не могу.

- Спасибо, девица, что подлатала, чай до свадьбы нашей все и заживет, - ехидно ответил председатель и начал кое-как вставать с кушетки.

- А ты куда собрался? – в недоумении спросила знахарка. – Ты помереть хочешь? Тебе сейчас нужен постельный режим и хорошее питание для восстановления кровотока! Ты потерял крови до дури!

- Я не помру, не боись, - ответил Семен. – А вот наказать кое-кого нужно. А ну-ка по коням, ребята! Отделаем сволоту.

И он, едва имея силы, начал вставать с кушетки.

- Егорыч, может не надо? – пытался отговорить его один из его картежных товарищей.

- Надо! Нельзя их упустить, вражину советской власти!

Выглядел он ужасно. Бледный, потный, со швом на лице, он опирался обеими руками на кушетку и тяжело дышал. Глаза метали молнии.

- Может мне кто-нибудь поможет встать? – понимая, что сам не справится, зычно гаркнул Семен.

К нему тут же подскочили двое мужчин в гимнастерках, подхватили его под мышки и повели к выходу.

- Куда его понесло хоть? – обратилась Агафья к Прошке, который стоял рядом, мямля шапку и не знал, что ему делать.

- Да чай мстить обидчикам своим собрался, - ответил Прошка. – Ну, кто порезал его.

- Понятно, - ответила девушка, собирая все свое добро в сумку. – На, дай ему хоть укрепляющую настойку, не то в обморок с коня грохнется и точно убьется.

Она протянула Прошке маленький пузырек. Юноша неуклюже схватил его, уронив шапку, еще более неуклюже поднял ее, натянул на голову и побежал за шумной процессией. Агафья, перекинув сумку через плечо, пошла за ними.

Выйдя на крыльцо барского дома, она увидела, что все те, кто только что пил и играл в карты, уже сидят на конях, а впереди них – Семен. Возле него суетится Прохор, причитая, что затея председателя опасна и сетуя, что же с ними будет, если вдруг начальник помрет по пути.

- Не переживай, не помру, - весело ответил председатель, отхлебывая из пузырька знахарки. – Чай стараниями Агафьюшки и не помру.

Свежий воздух и травяная настойка явно пошли ему на пользу. Он выглядел более бодрым и держался в седле уверенно. В целом, скакать на коне он мог. Ходить по земле – вряд ли. Увидев девушку, как видение возникшую на бревенчатом крыльце, он произнес:

- Спасибо за снадобье, дюже сил прибавило! – а затем, повернувшись к Прохору, добавил. – Проводи девку до хаты. За нее башкой отвечаешь.

И, прищипорив коня, он громко просвистел, давая команду трогаться.

Все всадники сорвались с места и с громким улюлюканием выехали за ворота. Последним ехал председатель: аккуратно, не спеша, боясь задеть больную ногу.

Глядя ему в след, Агафья вдруг подумала, что, если он помрет от кровопотери по пути, она не расстроится. Почему-то ей казалось, что этот человек принесет ей много бед.

Глава 3. Отец Тимофей

Прошка проводил ее до самого дома. Был уже полдень, когда она переступила порог своей хаты. Пообедав с матерью и проведая хозяйство, девушка решила навеститься к отцу Тимофею.

Путь к церкви лежал через поле. Она располагалась на выселках, упираясь задним двором в небольшое, вытянувшееся рваным овалом, лесное озеро. Поскольку здание находилось на каменистом пригорке, вода даже в весеннее половодье не заливала его. Окруженная елями и соснами с видом на озерную гладь, церковь высилась, упираясь резным деревянным куполом в небо. Она не была большой, но и не была маленькой, имея два этажа высоты, колокольню и две пристройки. В одной жил настоятель, другая служила хранилищем церковных атрибутов. Дверь кельи отца Тимофея была аккуратно напротив парадного входа и выходила к озеру.

Агафья шла по полю, поглощенная своими думами. День был солнечный и теплый. Девушка размышляла обо всем, что случилось с ней за последние двое суток. Особенно ее мысли занимал красивый незнакомец. Она сама себе удивлялась: впервые в жизни ее ум, сердце и душу настолько сильно захватил мужчина. Девушку пугало это чувство: привычный покой оставил ее, сердце истекало истомой, а в голове был только он. Ничего делать особо не хотелось, хотелось лечь прямо в эту траву и унести мыслями к нему.

Селянка подошла к церкви. За скромным зданием плескались темные воды озера. Его берег со всех сторон обступил лес, отходя в сторонку лишь там, где стоял приход. Деревья создавали прохладную тень, так приятно освежавшую в полуденный зной. Девушка решила не заходить сразу в церковь, а посидеть немного на берегу озера.

Агафья свернула с тропинки в лесок и прошла между деревьями к воде. Под ногами мягким ковром стелился мох, из него то тут, то там выглядывали невзрачно цветущие кустики черники и брусники. К концу лета их сменяют яркие темно-синие и красные ягоды, разноцветной россыпью украшающие лес. Девушка приблизилась к кромке воды и присела на берегу. Ее всегда воодушевляла спокойная красота этого места. Величественная, тихая, глубокая. Это озеро являлось для нее поистине местом силы. Вода в нем была привычного для этих земель ржаво-бурого цвета, но при этом сквозь ее толщу у берега можно было увидеть дно. Из-за своего оттенка она казалась глубокой, даже бездонной, и смотреть на ее спокойное дыхание можно было бесконечно.

Агафье очень нравился берег. В той части, где вода примыкала к лесу, он был особенный: почти вровень с озером, но обрывистый, с торчащими из земли непослушными корнями, переплетенными вместе, чтобы быть крепче и сильнее. То тут, то там из мха выпирали, словно жилы, толстые побеги, которые тянулись к воде и своими концами уходили прямо в нее. На одной из таких природных лавок и сидела Агафья, глядя в темную гладь озера. Возле церкви в нескольких метрах отсюда берег был совсем иным: песчаный, поросший камышом, плавно утопающий в воде. Для своего комфорта и удобства рыбаков отец Тимофей построил там маленький пирс, там же стояла привязанной небольшая лодка-плоскодонка. Несмотря на кажущуюся благоустроенность церковной территории, изрезанный корнями лесной берег Агафья любила больше. Здесь, окруженная деревьями, защищенная ими, она могла быть в полном единении с природой и безмятежно размышлять о чем угодно.

«Ну почему я такая дура? – думала девушка. – Как можно было так быстро из-за человека, которого я не знаю даже, потерять покой?»

Стремясь успокоить свои мысли, она распустила сначала одну косу, потом другую. Густые длинные волосы с медовым отливом мягкими волнами осыпали ее плечи. Они практически полностью укутали ее, добавляя образу волшебной загадочности. Сидя на берегу в лег-

ком белом сарафане с копной светло-русых прядей, девушка скорее походила на лесную мавку, чарующую заблудших путников, или русалку, нежели на человека. Дивно она была хороша.

Окончательно разозлясь на себя за свою беспомощность, Агафья подобрала с земли длинную еловую шишку и со всей силы швырнула в воду. Раздался громкий всплеск, а вместе с ним – собачий лай.

Агафья резко обернулась. Из-за невысокой поросли молодых елок показался пес отца Тимофея. Несколько лет назад маленький черно-белый щенок прибил к обители, и настоятель приютил его у себя: вместе веселее, да и церковь под защитой. Эта длинношерстная вислоухая дворняга росла на глазах у Агафьи, поэтому между псом и девушкой царил взаимная любовь.

- Дружок, здравствуй! – девушка радостно потрепала подбежавшую к ней собаку за мохнатые уши. – Какой ты пушистый, какой ты хороший!

Следом за животным из-за деревьев показался отец Тимофей.

- Так и думал, - сразу начал он, увидев Агафью. – А то он сам не свой, все тащил меня сюда. Как знал, что ты, дочка, тут. Здрава будь.

- И ты здравствуй, отец Тимофей, - улыбаясь, отозвалась девушка.

- Чего ко мне не зашла? – потихоньку идя к ней, спросил настоятель.

Все-таки возраст, быстро ходить было уже тяжело.

- Я собиралась, отче, - будто виновато стала оправдываться девушка. – Просто сперва хотела посидеть, подумать. Хорошо здесь. Такая сила тут мощная, спокойная.

- Понимаю, дочка, - ответил настоятель, а потом с присущей ему проницательностью добавил. – У тебя случилось что-то?

Маленький сухой старец с седой бородой и большими глубокими глазами небесного цвета смотрел на нее так проникновенно, что Агафья не сумела, да и не стала скрывать свои чувства и мысли. Она мгновение подумала, взглянула на воды озера и, собравшись с духом, сказала:

- Случилось, отче. Покой я потеряла. Не знаю, что теперь с этим делать и как излечить это. И надо ли вообще.

Она замолчала, закусила губу, сгребла в охапку пса, зарылась подбородком в его шерсть и продолжила:

- Мужчину я встретила. Кто он, откуда – не знаю. Да только думаю о нем без конца. Сердце свое слышу, стучит так гулко. И дыхание перехватывает. Как в книгах твоих, отче. Со мной впервые такое. Что делать?

- Почему это так тревожит тебя, дочка? – спросил старец.

- Потому что я больше не властна над собой. Мною управляет это новое чувство, а не я им. Оно меня поглощает. Я не хозяйка себе больше будто. Я думала, что это какое-то волнение от неожиданной встречи, и когда молодец рядом не будет, все пройдет, но оно не проходит. Мне только хуже.

На последних словах ее голос вдруг стал жалобным.

- А тебе и не нужно управлять этим чувством, - по-отечески улыбаясь, произнес отец Тимофей, глядя куда-то поверх деревьев на другом берегу озера. – Позволь ему, как воздух, проходить сквозь себя. Прими его не как врага и возмутителя спокойствия, а как великий дар, который Господь послал тебе. Любовь – это не про боль и разрушение. Любовь – это про благодать внутри.

- Но тогда почему мне так тревожно? Мне так хочется его снова увидеть. Хочется, чтобы он стал частью моей жизни. И мне так тоскливо, что я, скорее всего, его никогда больше не встречу, - Агафью била мелкая дрожь, в глазах стояли слезы.

- Ты хочешь обладать им, вот тебе и тревожно, - улыбаясь, заключил настоятель. - Дочка, любовь – это не только жажда обладания. Любовь – это значительно больше и выше. Это без-

условная радость от того, что человек просто есть, благодарность миру за то, что он существует. Без желания получить что-то взамен. Человеку очень сложно любить без обладания, но именно желание обладать и рождает тревогу. Попробуй перенаправить свои чувства, чтобы снизить боль. Просто наслаждайся тем, что внутри тебя разлилась такая благодать. Ощути всю красоту любви внутри тебя. Безусловной любви. Изучи ее, прочувствуй, познакомься с ней. С благодарностью и без ожиданий. Ты увидишь, как она волшебна прекрасна.

Агафья начала бесшумно плакать. Молча она заливалась слезами, не в силах с собой справиться.

- Отче, это так сложно, - с трудом дыша, всхлипывая, едва различимо произнесла она. – Я так слаба. Я не справлюсь.

Отец Тимофей посмотрел на нее с безграничной нежностью. Агафья выросла на его глазах, он как мог обучил ее грамоте и вложил в нее свою душу, отдал ей всю свою любовь. Сколько дней и вечеров провели они вместе, не счесть. Он знал нутро этой девушки лучше, чем она сама, знал ее сильные и слабые стороны, он учил ее стойкости и безграничной вере в себя и в Бога. Она была ему как дочь.

- Агафьюшка, это глупости, - мягко ответил он ей. – Ты сама не представляешь, насколько ты сильна. Если Бог любил нас безусловной любовью так, что принес ради нас великую жертву, неужели и мы, его дети, не способны любить так же? Возможно, это прозвучит очень странно и нелепо, но человек – тоже Бог. Он - божественная искра, отделившаяся от одного могучего источника, он – его часть, которая однажды вернется обратно. К Творцу. Мы наделены невероятной силой, но вся беда и радость в том, что большинство об этом не знает.

- Почему, отче? – Агафья слушала его заворуженно.

- Потому что люди еще нравственно не готовы. Мы должны вырасти над собой, научиться любить и уважать друг друга, выбирать мир вместо распри, любовь вместо ненависти. Мы должны научиться сперва смотреть в себя, а потом на других. Представь, если бы дикарю дали ружье. Что бы было? Он бы сдуру перестрелял всех собратьев, и род людской умер бы в зародыше. То же самое и здесь: сокрытая в человеке духовная сила, как оружие, дремлет до тех пор, пока он не станет к ней готов, чтобы не использовать ее во вред. В тебе, дочка, силы много, и ты очень умна и осознанна, ты можешь очень многое. Помни об этом и никогда в себе не сомневайся, что бы ты ни делала.

Агафья обреченно молчала. Она силилась понять, как это – наслаждаться своей собственной любовью без обладания объектом своих чувств. Без ощущения, что тебя любят в ответ. Без взаимности.

«Господи Боже, Матушка Жизнь, Батюшка Мир, - мысленно обратилась она ко всему живому. - Благодарю вас за то, что этот мужчина родился, вырос и ходит по одной земле, под одним небом со мной. Спасибо, что вы позволили нам встретиться. Что вы показали мне, что есть не только дремучие пропитохи, но и приличные мужчины, о которых я только слышала, но вживую никогда не видела. Спасибо, что мой образ мечтаний существует, и я его видела. Спасибо за это необычное чувство, что разлилось внутри меня. Я вдруг снова, как в детстве, чувствую себя живой....»

Отец Тимофей внимательно наблюдал за мощной душевной работой девушки и видел, как боль отступает, как ее лицо постепенно светлеет и успокаивается, разглаживается, как небесная чистота отражается в нем, наполняя глаза неземным светом. Казалось, что Агафья уже не здесь, а в высших сферах, в седьмом чертоге, где страждущих ждут покой и блаженство.

«И пусть даже я этого молодца уже больше не увижу никогда-никогда, я благодарю вас за эту краткую встречу и ничего не жду взамен... - тут мысли селянки на секунду спутались, все в голове смешалось в какую-то кашу, и молитву свою девушка завершила спонтанно. – Но, если все же есть шанс, чтобы мы встретились, прошу, пусть это случится!»

Не справилась.

Взлетевшая чистой птицей душа камнем рухнула с небес на землю. Легкость и благодать бескорыстного порыва сменились жгучей болью. Свобода, которой, казалось, девушка достигла в своей молитве, растаяла, и земные страсти снова взяли ее в плен. Агафья заплакала.

Настоятель видел, как ее естество, взмывшее вверх и поднявшееся до высших сфер, в мгновение ока стремительно рухнуло вниз. Лицо девушки мгновенно исказилось страданием, глаза вновь наводнили слезы.

- Ну, ну, дочка, - старец подхватил полы своей черной рясы и подсел к ней, ласково обнял за плечи. – Ты справилась. У тебя получилось.

Агафья положила голову ему на плечо, из глаз тихо покатались жгучие слезы.

- Ничего я не справилась. Я не удержалась, - она говорила тихо, как будто бы вся энергия вдруг покинула ее тело. – Сперва мне показалось, что у меня получается, сердце наполнила благодать от того, что это все просто было в моей жизни. Как будто бы горечь ушла. Но потом все вернулось назад: я подумала, что все равно жажду встречи с ним. Я не справилась.

- Ты не права. То, что ты сумела подняться в своих чувствах так высоко, возвыситься над своим эго, хоть на несколько секунд вознестись над желанием обладать – это уже огромная победа. Далеко не все это могут. А ты смогла!

Девушка молчала.

- И еще, - настоятель сделал паузу, словно подбирая слова, чтобы не ранить, а затем продолжил. - Дочка, почему ты решила, что бог обязательно так жесток, что пошлет тебе столь сильные чувства без ответа?

Старец немного отстранился от девушки и посмотрел своими умными глазами прямо на нее.

– Ведь если ты сочла этого мужчину достойным и в твоей душе разожглась такая искра, возможно, что точно так же где-то этот человек сейчас тоже мается.

Агафья всхлипнула и взглянула настоятелю прямо в глаза.

- Если честно, мне кажется, вернее, я сердцем чувую, что я ему тоже понравилась.

- Так и в чем тогда проблема? – снисходительно спросил отец Тимофей.

Поляну огласил новый акт безудержного плача.

- Потому что я дууууураааааа! - Агафья уже рыдала в голос.

Настоятель больше не задавал девушке вопросы. Он ждал, пока она овладеет собой и расскажет все, что у нее на душе. Долго ждать не пришлось.

- Он спра-а-шивал, как мо-е-е и-имя и где мен-я-я най-й-ти, - заикаясь, ответила Агафья. – А я испуга-а-лась.

Она замолчала, плотая слезы. Дружок высвободился из ее удушающей хватки и утешающе положил передние лапы к ней на колени, от всей души вылизывая ее лицо от слез. Немного погодя, Агафья продолжила:

- Я испугалась. Растерялась. Начала ерепениться. И ничего не сказала ему, кроме того, что, мол, захочешь – сыщешь. И сама не спросила, как звать-величать, кто он и откуда.

- Всякое бывает, дочка, не кори себя, - старец ласково приобнял девушку. – И никогда не называй себя дурой. Ты ни в чем не виновата. Ты имеешь право на чувства, имеешь право испугаться и что-то сделать не так, как, казалось бы, надо. Ты – живой человек. И если твои чувства настоящие и этот мужчина действительно твоя судьба, поверь мне, дочка, он тебя где угодно найдет. Пути господни неисповедимы, и рано или поздно ваши дорожки снова пересекутся. А учитывая, что это твои первые столь сильные чувства и ты уверена во взаимности, я не сомневаюсь, что все именно так и будет.

- Правда, отец Тимофей? – подняв на него красные, опухшие от слез глаза, сказала девушка.

- Правда, дочка.

Агафья немного помолчала, но потом добавила:

- И еще кое в чем хочу признаться тебе, отче: грешна я.

- Отчего же? – отец Тимофей задумчиво смотрел куда-то ввысь.

- Я смерти человеку желала и желаю, – Агафья сказала это тихо, как бы стыдясь. – Вернее, не то чтобы я желаю, чтобы он вот прямо умер, но я не расстроюсь ни капли, если это случится. Мне даже облегчает.

- Это ты про кого говоришь? – отец Тимофей задумался.

- Про председателя Порожков, Семена. Я его лечила сегодня, так вот я подумала, что не расстроюсь, если не поможет ему мое лечение.

- А-а-а, – отец Тимофей все понял. – Ну, знаешь, ты же ему смерти не желала? А не расстроиться, если убийца и вор раньше срока уйдет в мир иной, не такой уж большой и грех. Но, дочка, Бог всем судья, он решает, кого и когда забрать. Жизнь даже такой пиявки, как Семен, ценна, как бы глупо это ни звучало.

- Я понимаю, отче. Спасибо тебе большое, что не осуждаешь меня.

Отец Тимофей знал этого Семена. Наверное, в их краях еще не было места, где бы он не успел наследить. Как минимум в ближайших селах. Все местные председатели друг другу потакали, поскольку они все принадлежали к большевистской партии и разделяли одни убеждения. Плюс эта власть развязала им руки грабить и убивать, а они, будучи до этого бесправными крестьянами, были и рады учинить свой порядок. Однажды Семен навещался в Поляны в гости к местному председателю Ивану Никитичу «обстригать делишки», и заинтересовался церковью. Не любил он дома божьи. Свою церковь разрушил, теперь тянулся к чужой. Семен появился в обитель с бандой головорезов и ружьем, тыкал дулом в икону Спасителя, сорвал покров с алтаря и истоптал его ногами. Грозился «национализировать» и церковь, поскольку, как он говорил цитатами с большевистских плакатов, бог умер и бога нет. Мол, освобождайте место под склад или клуб. Спасло только то, что самоуправство Егорыча не понравилось Ивану Никитичу. На свою землю чужие руки он запускать не хотел, да и народ, когда узнал о намерениях большевиков, вступился за обитель, поэтому председатель Полян принципиально сохранил церковь церковью. Пока что. Что будет дальше – один Бог знал.

Тяжелые воспоминания были у него об этом человеке. Честно признаться, он не осуждал Агафью за мысли о смерти Семена. Он и сам был бы рад, если бы Бог сократил дни его блуждания по земле. Однако, будучи человеком мудрым, он знал, что Господу темные люди наверху не шибко нужны, потому такие, как Семен, обычно живут долго, а путь светлых может закончиться довольно быстро. Убийцам и завистникам есть еще, что на земле отработать, какие уроки пройти, а праведников забирают на отдых и новые деяния. Их уроки любви и сострадания во многом уже пройдены.

Отец Тимофей решил перевести тему.

- Агафьюшка, расскажи, а какой он.

Девушка быстро поняла, о ком говорил настоятель, и расцвела. Щеки покрылись пунцовым румянцем, в глазах зажглась искра.

- Он... Он... красивый! – она не могла подобрать слов и не знала, с чего начать.

- Это я понял, – отец Тимофей засмеялся. – А окромя?

- Глаза у него такие серые, вот как небесная гладь без солнышка, и очень спокойные, мудрые. Как будто он все про эту жизнь знает. И думается мне, военный он, может даже офицер, осанка у него такая крепкая, красивая. А еще мне кажется, он очень неглупый. Он вообще никак не похож на наших местных, он какой-то другой. Я не могу объяснить тебе это, отче, я просто это чувствую.

- Понял, дочка, – отец Тимофей привстал с коряги. – Уверен, если ты так чувствуешь, значит так и есть. Всегда слушай себя, твое нутро тебя никогда не обманет. А теперь пойдем в церковь, чаю попьем.

Настоятель отряхнул черную рясу от налипших иголок и сухих листьев, поправил кушак, затянул его потуже и протянул девушке руку. Она приняла ее и встала, взяла отца Тимофея под локоть, и вместе они, сопровождаемые лохматым Дружком, направились к обители. Пес успел по пути нацеплять на себя репей и всякого лесного сора, потому, когда они дошли до порога церкви, собака выглядела настоящим лесным чудищем. Животное не было в восторге от своих украшений и рычало, пытаясь зубами сорвать с себя колючки, но результата это не приносило.

- Ты прямо как Леший, Дружок, - Агафья звонко засмеялась и потрепала пса за уши. – Сейчас мы это исправим.

Она взяла гребень, который был засунут на дверной наличник специально для таких целей, и спустя пять минут животное из колючего дикобраза снова стало милой домашней собакой. На пару с Дружком девушка вошла в церковь, а после вместе с настоятелем поднялась на колокольню, откуда открывался чудесный вид на все село и окрестные земли.

Вдоль стен колокольни были сооружены небольшие лавки, и Агафья с отцом Тимофеем, уже заварившим чай, расположилась на одной из них. Было тепло и солнечно, поэтому сидеть здесь, пить терпкий напиток и наблюдать за жизнью с высоты птичьего полета, было приятно. Они долго разговаривали, так что девушка совсем успокоилась и снова почувствовала радость и легкость.

Уходила она уже под вечер, когда солнце медленно стало клониться к закату.

Агафья не спеша брела по полю домой, наблюдая за мирным танцем, в который ветер закружил ромашки. В ее душе уже не было боли и тревоги. Осталась только грусть, что, возможно, новой встречи с этим волнующим незнакомцем уже не будет. Но, вопреки этому, вопреки логике и доводам рассудка, внутри нее выросло новое крепкое чувство: какая-то часть нее, неизвестная, непостижимая, была уверена, что им еще суждено увидеться. Она это чувствовала, знала.

Домой Агафья пришла мечтательно-воодушевленная. Она подхватила встретившую ее во дворе Василису под мышки и закружилась с ней в танце, напевая нежную лирическую мелодию. Пушистая подруга смотрела на девушку в недоумении, но против ничего не имела: слишком любила хозяйку. Потом селянка сгребла усатую в охапку так, что передние лапы животного оказались на ее правом плече, и пошла с осмотром по хозяйству. Серая Василиса положила голову на лапки, прижавшись щекой к шее хозяйки, и блаженно замурлыкала.

Задав животным корм и пожелав им доброй ночи, Агафья в обнимку с кошкой прошла в дом, скромно поужинала с матерью и потом долго сидела с лучиной, вышивая незамысловатый узор на будущем рушнике. Пелагея обычно не интересовалась, где была дочь и как прошел ее день, ничего не изменилось и сегодня. Девушка сидела одна и размышляла о прошедшем дне, о гамме пережитых сегодня чувств. Впрочем, она не была одна: возле нее на лавке свои кошачьи сны смотрела Василиса. Она морщила мордочку и временами дергала ушком, наверное, гоняясь в грезах за самой большой и вкусной мышью на свете. Агафья не заметила, как свернулась калачиком вокруг своей товарки и уснула.

Глава 4. Доля

Тишину деревенской ночи нарушал размеренный шум дождя. Мелкой россыпью он стучал по крыше, бурным потоком шумел, стекая с козырька крыльца в подставленное ведро, ребячливым шлепаньем плескался в лужах, шелестел по листьям. Агафья крепко спала и не слышала этой музыки жизни: слишком богатым на эмоции был день. В эту ночь ей не снилось ничего, она была в забытии и отдыхала от всех пережитых событий.

Девушку разбудил неожиданный раскат грома, разрезавший ночное безмолвие. Она распахнула глаза и приподняла голову, испугавшись резкого звука. Рассекающий воздух треск повторился.

«Это всего лишь гроза», - подумала селянка, глядя на пробивающиеся в ставни отблески молнии.

Агафья приподнялась на локте. Шея затекла и болела, от неудобного лежания на жесткой лавке все тело сковало, нужно было размяться. Сев на скамье, девушка с силой протерла лицо руками, избавляясь от остатка сна, потом принялась наклонять голову вправо и влево, попутно проминая мышцы пальцами, а затем встала и разогнула поясницу.

«Да, так лучше, но надо лечь нормально», - подумала она и наощупь пошла в уголок хаты, в котором стояла ее кровать.

Это была примитивная лежанка, сколоченная из досок и отгороженная от чужих глаз шторкой на веревке. Убрана она была набитым соломой матрасом, подушкой из куриного пера и одеялом, наполненным собачьей шерстью.

Агафья тихонько, чтобы не разбудить мать, проскользнула через жилую комнату к своей кровати, и, откинув одеяло, опустилась на нее. Сено мягко зашуршало, обдавая ее сухим запахом разнотравья. Как в детстве, поджав ноги к груди, девушка свернулась калачиком и укрылась одеялом с головой. Стало очень тепло и удобно. Она поглубже зарылась лицом в подушку и уснула.

Ей приснилась бабушка. Она улыбалась и держала в руках огромный букет из фиолетовых цветов прострела-травы, которую в народе называют сон-травой. В детстве Агафья вместе с ней собирала это растение для успокоительного отвара, но оно было таким редким, что находить его считалось большой удачей. И сейчас Прасковья щедро вручала ей охапку пряного прострела, от аромата которого пьянеют даже медведи.

«Держи крепко, внучка, - сказала Агафье женщина, когда та с трудом приняла цветы в свои объятия, настолько большой была вязанка. – Это твоя судьба».

Затем каким-то волшебным образом в руках у бабушки появилось веретено с красной нитью, и старушка, глядя на внучку, стала прясть. Вместе с тем она принялась стучать ногой по полу. Сильно. Настойчиво. Громко. Она колотила все быстрее и сильнее, звук становился оглушительнее, и, в конце концов, он заполнил собой весь сон.

«Веретено кружится, судьба в дверь стучится, - бормотала Прасковья, работая над пряжей. - Красная нитка прядется, жизни полотно ткется...»

Агафья проснулась.

Однако стук никуда не исчез.

В дверь барабанили.

Сколько времени прошло с тех пор, как она уснула, девушка не знала. По ощущениям, немного. Гроза и дождь не закончились. Под шум небесной бури кто-то отчаянно колотил в дверь.

Агафья шепнула проснувшейся матери, что разберется сама, зажгла лучину и подошла к двери.

- Кто там? – настороженно спросила она.

Гостей в такое время она точно не ждала.

- Девушка, мы не знакомы, но твоя помощь очень нужна, - за дубовой дверью раздался утомленный мужской голос. – Если не поможешь, то смерть. Говорят, ты врачевать умеешь. Пожалуйста, подсоби.

Что-то в этом голосе развеяло опасения Агафьи. Она почувствовала, что беда ей не грозит и кому-то там, на улице, нужны ее умения. Она потянула засов и открыла дверь.

На пороге стояли двое промокших насквозь мужчин, одетых по-крестьянски, из-за их спин торчали ружейные дула. Неизвестные держали под руки третьего. Его голова была опущена, с разметававшихся волос стекала вода, тело под собственной тяжестью безжизненно свесилось вниз.

- Спасибо, сестра, что открыла, - обратился к ней один из гостей.

Девушка посветила лучиной. Он был чудной внешности. Таких Агафья прежде не встречала. Невысокий, коренастый, смуглый, с крутыми скулами, темными узкими глазами и черными, как эта ночь, волосами. Другой был повыше и покрупнее, но уже такой, как все: со светлыми усами, пышными волосами цвета колосающейся пшеницы, голубыми глазами. Третьего она рассмотреть не могла, но при взгляде на него какое-то смутное непонятное ощущение всколыхнуло ее душу.

- Что случилось? – спросила она.

- Наш товарищ ранен, - ответил чудной незнакомец. - Он уже несколько часов истекает кровью. Мы нашли его без сознания. Плечо прострелено, пожалуйста, посмотри.

Двое мужчин приподняли третьего, чтобы показать ей его рану, и голова его откинулась назад. Вспышка молнии разрезала небо, осветив мокрое крылечко, и Агафья в ужасе вскрикнула, откинувшись на дверной косяк.

Это был он.

Без сознания, на грани жизни и смерти, промокший до нитки, на руках товарищей висел мужчина, о котором она думала последние двое суток. Не так она представляла себе их встречу.

Девушка побледнела и испуганно застыла на крыльце. Она будто разучилась дышать, сердце комом встало в горле, ее всю охватила паника. Сквозь тело выстрелами сотен молний пробежала дрожь. Агафья не могла собраться, хотя прекрасно понимала, что каждая секунда в таком состоянии для раненого может быть на счету. Поднявшийся со дна души сноп искрящихся чувств закружил ее и лишил воли. Она стояла и смотрела в безжизненное лицо того, кого так жаждала встретить вновь.

Хотя это длилось всего несколько секунд, Буджал заметил неладное. Своим пронизательным взглядом он увидел, как встревоженно-жадно девушка смотрит на Алексея, какая гамма чувств от удивления до страха и едва уловимой надежды отражается на ее лице, и вдруг он все понял.

«Поистине неисповедимы пути Всевышнего, - удивляясь хитросплетениям судьбы, подумал калмык. – Леша жаждал ее найти и, черт возьми, нашел, но каким образом... - затем он посмотрел на друга и мысленно добавил. – Ну, брат, как хочешь, но теперь ты просто обязан выжить».

Агафье он не сказал о своих догадках. Не до того было, да и дело не его. Пусть вылечит сперва, а там сами разберутся. Но внутри он ликовал, предвкушая, как друг очнется и не поверит своему счастью.

- Хозяйка, так ты поможешь? – нетерпеливо обратился к девушке молчавший дотоле Петро.

Его уже начинала раздражать ее потерянности, да и промокший кафтан холодил, хотелось в тепло и обсушиться. И, конечно же, он переживал за Алексея, который уже битый час был в отключке и, однозначно, замерз, как собака.

- Али ты чай привидение увидела? – добавил он, тяжело пыхтя под тяжестью человеческого тела. – Он вроде еще живой, но, если так стоять, еще немного и точно станет духом бесплотным.

Он, в отличие от Буджала, не увидел ниточки, которая протянулась между только что встреченной девушкой и его раненым товарищем. Красной ниточки судьбы. Наблюдательность вообще не была его сильной стороной.

Однако от его слов девушка включилась.

- Несите его в дом, - она быстро распахнула настежь дверь и проскользнула внутрь, показывая мужчинам, куда тащить раненого.

Агафья взяла себя в руки. Не суетясь, она поставила лучину на стол и раскрыла старый кованый железом сундук. Из него знахарка извлекла большое лоскутное одеяло, которое сшила еще ее бабушка. Она расстелила его на полу посреди горницы и велела положить на него раненого. Буджал и Петро сделали, как она сказала. Вокруг одеяла Агафья поставила еще три лучинки, чтобы было видно, что и как ей делать.

Затем она вернулась к сундуку и взяла еще одно такое же одеяло. Подойдя с ним к мужчинам, девушка протянула его Буджалу и сказала:

— Значит, так. Мне нужна ваша помощь. Положить его сейчас на кровать нельзя, потому что он мокрый, - она кивнула в сторону Алексея. - Мы это сделаем позже. Сперва переоденем его и обработаем раны, а потом уже можно будет переложить его в сухую постель для отдыха. Сейчас я попрошу вас снять с него одежду. Когда снимете, укройте его снизу по пояс вот этим одеялом, дальше я сама. Справитесь?

Буджал и Петро кивнули.

Они скинули сапоги, сбросили на лавку ружья, повесили промокшие кафтаны поближе к печке и принялись за работу. Пока они раздевали товарища, Агафья порылась в сундуке и нашла отцовскую одежду. Она подобрала сухое белье для каждого из троих гостей, потому что здоровым ее забота сейчас была нужна не меньше, чем больному. Иначе лечить придется всех. Затем она подошла к печи и попросила недоумевающую мать спуститься и оказать людям гостеприимство. Такое количество мужчин в доме оживило Пелагею, и она быстро слезла с печки и пошла греть самовар.

Когда Буджал и Петро управились со своим заданием, девушка подошла к ним и протянула каждому одежду.

- Держите, - она дала им по рубашке и штаны. – Переодеться можно там.

Агафья указала на зашторенный у ее кровати уголок. А затем добавила:

- Когда переоденетесь, присаживайтесь к столу, матушка нальет вам горячего чаю с травами.

Дав все рекомендации и приняв благодарности, девушка опустилась на колени перед раненым. Рядом с ней немой помощником уселась Василиса.

Свет от лучин желтыми бликами играл на обескровленном лице мужчины, дыхание его было едва уловимым, казалось, уже почти вся жизнь вместе с кровью вытекла из его тела. Агафья взяла его за руку и прощупала пульс. Есть. Бьется. Слабый, но бьется. Затем девушка посмотрела рану. Сначала со стороны груди, потом аккуратно приподняла Алексея и глянула со стороны лопатки. Сквозное.

Она быстро оценила, что ранение серьезное. Несмотря на то, что кость не была задета, пуля прошла сквозь мягкие ткани там, где находились соединения нервных окончаний, сухожилий и крупные кровеносные сосуды. Из-за повреждения последних он потерял так много крови, однако это была еще не беда. Кровь остановить она сможет, но что делать, если ему не повезло и пуля разбила сухожилие? Или нерв? Тогда он рискует остаться калекой. Здесь она вряд ли сможет помочь. Остается надеяться на чудо. Как говорила ее бабушка: «Делай, что должно, и будь, что будет».

Агафья достала свои снадобья. Немного поискав нужные сосуды, она выбрала отвары тысячелистника, ромашки и подорожника. Смешав их в плошке, девушка смочила в получившейся жидкости кусок чистой материи и аккуратно протерла им рану. Затем она достала эти же сушеные травы, растерла их в порошок, добавила к ним получившееся ранее снадобье и приготовила пасту глубокого зеленого цвета. Она пахла сырой скошенной травой, имея в своем шлейфе лишь легкие нотки ромашки. Знахарка плотным слоем намазала эту пасту на рану с каждой стороны и туго затянула тканью. Состав должен был остановить кровь и обеззаразить ткани, способствуя их естественному заживлению. Только был нюанс: промывать рану и менять пасту нужно было каждые два часа, чтобы избежать нагноения.

- Добры молодцы, - устало вздохнув, обратилась она к Петро и Буджалу, которые уже переоделись и жадно пили горячий чай с вареньем. – Помогите его одеть и перенести на кровать. Пожалуйста. Рубаху только не надевайте.

Мужчины, как по строевой команде, вмиг оказались возле девушки. Сменив ее возле раненого, они быстро натянули на него сухие штаны и понесли Алексея на кровать Агафьи. Как просила, рубаху не надевали: поняли, что ей нужен постоянный доступ к ране.

- Браток, да он потеплел, - радостно сказал Буджалу Петро, когда взял Алексея за руку.

- И слава Всевышнему, - ответил калмык. – Значит, жить будет.

Мужчины быстро уложили Алексея на кровать, укрыли его одеялом и вернулись к столу. Есть хотелось до потери пульса.

Пока ее гости были заняты переодеванием товарища, Агафья отошла в сторонку. За ней хвостиком проследовала следившая все это время за ее работой кошка. Девушка поискала в своих запасах плоды калины, закинула их в чугунный котелок, залила водой и поставила на печную плиту, которую среди ночи пришлось затопить. Стоя возле печи, Агафья мерно помешивала ягоды деревянной лопаткой и думала.

Как удивительна доля. Еще днем она рыдала, что больше никогда его не увидит, а уже ночью борется за его жизнь. Что с ним случилось? Не зря она видела тревожный сон про налетевшую в поле темноту. И как судьба привела всю эту компанию именно к ней? Ну, это просто: она была единственной толковой знахаркой на несколько сел в округе, все шли к ней. Видать, кто-то их надоумил. И все равно чудеса. Она как чувствовала вечером, что будет встреча. Только представляла она себе ее иначе: мечтала, что он найдет ее, приедет за ней и увезет ее отсюда далеко-далеко. Как в сказке. В итоге он ее нашел, но не так. И вообще он еще об этом не знает даже. Забавно.

Агафья продолжала мешать свое варево. Доведя ягоды практически до кипения, знахарка добавила в них кору калины и плоды шиповника. Перемешала. Кипятить отвар было нельзя, иначе все полезные вещества растений будут утрачены, поэтому девушка сняла свой целебный бульон с огня и отставила в сторонку настаиваться. Когда он будет готов, он поможет больному восстановить кровопотерю.

Мать Агафьи уже сутилась у плиты, тяжелым ухватом засовывая в печь чугунок картошки в мундире. Иван-чай с мятой и смородиновым листом женщина налила гостям уже в третий раз, миска с вареньем почти опустела, теперь оставалось главное: накормить мужчин. Закончив с чугуном, женщина засеменила к подвалу за соленьями. Агафья присела на табуретку у печи и наблюдала за тем, как ее ночные гости жадно пьют согревающий изнутри чай и как удивительно преобразилась ее мать. Василиса по-хозяйски запрыгнула к ней на колени и, мурлыкая свою песню, свернулась калачиком. Девушка ласково погладила ее за ушком и взяла в руки мягкую лапку, которую кошка от удовольствия то сжимала, то разжимала. Затем Агафья посмотрела на лежащего в ее кровати Алексея.

Интересно, какой будет его реакция, когда он очнется. Помнит ли он ее вообще? А если она ошиблась и совсем ему не понравилась, не запомнилась? Девушке стало страшно от возможного разочарования. Она попыталась убедить себя, что, если так случится, она не расстро-

ится, ей все равно, но обманывать себя – что смотреть сквозь воду на дно ведра: все видно. Затем ей вспомнился последний сон.

Прострел-трава. Это же не только сон-трава, но и трава судьбы! Так вот что имела в виду бабушка, когда давала ей целую охапку этого растения! И нитка на веретене! Это же нить доли. Неужели этот мужчина и правда ее судьба, и бабушка пришла, чтобы указать ей на это?

Как чудна и интересна жизнь. Символами во снах, знаками в быту, случайными словами чужих людей, произнесенными не тебе, но именно тогда, когда тебе надо, она общается с тобой. Она всегда дает знать, что ты не один, что тебя ведут туда, куда надо, она поддерживает в минуты отчаяния и дает уверенность в том, что ты поступаешь верно. Она говорит через сердце, через шестое чувство, которое невозможно объяснить. Нужно лишь уметь ее слышать и открыть душу ее голосу. И чтобы никогда не терять с ней связь, нужно полностью доверять ей. Отец Тимофей называл это прыжком веры.

Что такое доверять жизни, Агафья поняла, когда научилась плавать. Впервые самостоятельно переплывая озеро, она вдруг поняла, что совсем не чувствует усталости. И, самое главное, не прилагая больших усилий при гребках, она не тонет: ее держит вода.

«Жизнь – как вода, – подумала тогда девушка. – Если ей довериться, отпустить страх, прилагая при этом какие-то пусть даже самые простые усилия, она тебя поддержит. Вытолкнет наверх. Не даст пойти ко дну. А если бояться, что утонешь, и сопротивляться ей, барахтаться, то очень быстро устанешь и пойдешь ко дну».

Она осознала, что в жизни самое главное – делать что должно, отпустив страх, доверяя себе и судьбе, как если бы ты греб в воде, и тогда все будет складываться как надо. И совершенно удивительно для себя ты увидишь, что все твои даже самые малые действия служили чему-то большому и важному. А если все время жить в страхе какой-то беды и суетиться, не доверяя пространству, не чувствуя тонкой материи мира вокруг себя, ты быстро растеряешь силы и не увидишь возможностей, наделаешь ошибок и в конечном счете ничего у тебя не выйдет. То же самое произойдет, если и вовсе не прилагать никаких усилий и ждать манны небесной.

Кто бы мог подумать, что символы во сне будут такими очевидными. Как будто сама судьба среди ночи постучалась в ее дом.

«Да погоди, – боясь в это поверить, тормозила сама себя Агафья. – Вдруг все же ты все не так поняла? Вдруг судьба – это вообще про что-то другое? Вдруг твоя доля – не стать его подругой жизни, а просто спасти его, чтобы он сделал для людей что-то очень важное? Кто ж знает. Но как же хочется, чтобы он просто стал моим женским счастьем!»

С печи потянуло кисловатым ароматом настоявшейся калины. Снадобье уже отстоялось и остыло, поэтому девушка оторвалась от своих дум, встала и попробовала его на вкус. Кисло-горькое. Терпкое. Из-за хранящихся в коре смол немного вяжет во рту. Но так и надо. Значит, готово.

Агафья аккуратно переложила возмущенную тем, что ее потревожили, кошку с коленок на стул. Затем она встала и процедила отвар через марлю в глиняную кружку, взяла маленькую деревянную ложку и подошла к Алексею. Напоить его сейчас было невозможно, да и опасно: будучи без сознания, он мог захлебнуться. Поэтому девушка зачерпнула совсем чуть-чуть отвара, не больше, чем три горошины, разжала мужчине рот и закапала их ему под язык. Это было мудрым решением, ведь не зря девушка слыла самой лучшей знахаркой в округе. Лекарство, не имея возможности в большом объеме попасть в кровь через желудок, могло проникнуть туда через широкую сеть кровеносных сосудов, расположенных под языком. Причем значительно быстрее. Капать отвар можно было каждые полчаса, поскольку за это время вся жидкость во рту больного успевала всосаться.

Девушка заметила, что у Алексея начиналась горячка. Пока он был под холодным дождем, жар не был так ощутим, но теперь, когда мужчина оказался в тепле, его тело отча-

янно вступило в борьбу за жизнь. Все, что сейчас можно было сделать – это прикладывать ему компрессы и ждать, когда он справится сам, давая ему лечебное питье в краткие моменты возвращения в сознание. Для этого Агафья подготовила специальный пузырек. Она ждала, когда Алексей очнется, чтобы дать ему противовоспалительное питье, а пока не забывала капать ему под язык калиновый отвар и менять мазь.

Буджал и Петро наблюдали за девушкой. Калмык подмечал, как бережно и внимательно она ухаживает за Алексеем и считал, что, если он не ошибся в своих догадках, Алексей сорвал у жизни звезду с неба. Петро же думал о другом. Не минула и его влекущая сила притягательной красоты девушки. Он любовался ею.

«Таких красивых девок я прежде не видывал, - думал мужчина. – Надо завтра познакомиться с ней. Не должна такая красота и без мужика быть!»

В мыслях своих он уже украл у нее поцелуй и вводил в хату женой. Беда Петро была в том, что, все больше погружаясь в пучину своих влечений, он не знал, что сердце девушки уже принадлежит мужчине. И не ему.

В очередной раз дав Алексею снадобье, Агафья покинула его и присела к неожиданным гостям за стол.

- Как хоть вас звать-то? – в голосе девушки звучала усталость. – Извините, что сразу не спросила: не до того было. Я Агафья, кстати.

- Меня зовут Буджал, - добродушно ответил калмык. – И не извиняйся перед нами, ты нашего друга спасала. Очень приятно познакомиться, сестра.

Агафья кивнула.

- А меня Петром зовут, красотка, - подбоченясь и явно красуясь, представился Петро.

Левой рукой мужчина подкрутил свои соломенные усы, и явно в этот момент собой он был очень доволен. Однако его удивило и огорчило, что Агафья безразлично бросила на него только беглый взгляд, кивнула ему, как Будже, и уставилась в чашку с чаем. В его представлении она должна была растаять на месте от его обаяния. Но этого не случилось.

Буджалу не понравилось поведение друга. Зная, как Петро падок на женщин, он уже предполагал, что происходит. Тем более что девушка действительно очень красива. Но он надеялся, что Петро как быстро вспыхнул, так быстро и остынет. Так бывало всегда, поэтому он до сих пор холост. А когда он узнает, что между этой знахаркой и Алексеем возникло глубокое чувство, он окончательно успокоится и найдет себе другую забаву.

Жаль, что роковую красоту Агафьи Буджал недооценил.

Продолжая устало глядеть в чашку, Агафья спросила.

- Расскажите, а что с вами случилось? – затем она подняла глаза на мужчин. – И как его зовут?

- Алексеем его величать, - ответил Буджал.

«Алексей... - подумала Агафья. – Алеша. Какое красивое имя...»

- А случилось то, что мы повздорили с председателем Порожков, когда гостевали там, дважды подрались с ним. Он ранен был, думали, отстанет от нас, но он устроил облаву. Вот Леша и пострадал.

Агафья хотела что-то спросить, но она и рта открыть не успела. За рассказ принялся Петро.

- Он на нас трижды нападал, а мы все живые! Причем силы превосходили нас раз в десять, нас гнали по лесу с собаками, - Петро явно преувеличивал, желая покрасоваться перед девушкой. – А мы их всех бам! Надрали им задницу, как сидоровым козам, чтобы знали, каково это – на офицеров его величества, пусть и бывшей императорской армии нападать! Это тебе не хухры-мухры!

- Так вот, - Буджал попытался остановить этот поток словоблудия. – Во время последней облавы мы разошлись в стороны, разъединили противника, так сказать, и, когда избавились

от своих преследователей, мы с Петро вернулись назад и встретились. Леша не было. Мы принялись его искать и обнаружили сначала коня. Он бегал по кромке поля и нервно ржал, но с места не уходил. А уже сумерки спускались. Мы начали прочесывать лес на этом участке и слышали волчий вой. Стало понятно, почему конь так тревожился.

Агафья большими глазами, полными ужаса, смотрела на Буджала. Ей было жутко оттого, что приключилось с этим красивым раненым мужчиной.

- Каким-то чутьем пошли на этот звук и нашли Алексея уже без сознания. Его обступили волки. Наверное, замешкайся мы на несколько минут, и его бы разодрали. Волки накинулись на нас, пришлось стрелять, но благо, что они боятся огня, поэтому после нескольких выстрелов зверье разбежалось. Мы вытащили Лешу, перекинули его через хребтину его коня и направились искать людей. Вышли на поселок, постучали в первый попавшийся дом. Старушка там сказала, что надо к тебе ехать, указала путь. Пришлось сделать сильный крюк и вернуться наполовину назад, но выбора особо и не было. Вот такая история.

Агафья слушала, как завороченная. Рядом с ней охала и причитала пораженная мать. Девушке страшно было даже представить, через что они прошли. Через что прошел он. А еще она поняла, после какой стычки лечила Семена и куда он рванул с едва наложенными швами.

Ненависть к этому человеку переполнила ее с головой. Почему от него всегда так много бед?

Алексей заметался на кровати. Он скинул с себя одеяло и что-то бормотал. Агафья подошла к нему, потрогала компресс: высох. Она сняла со лба мужчины горячую тряпку и тыльной стороной ладони приложила к его лбу. Жар усиливался.

Вдруг офицер открыл глаза. Он посмотрел на девушку, но в его взгляде не было осознанности. Только мука. Он силился ей что-то сказать, но не мог. Агафья воспользовалась моментом, приподняла его над подушкой и влила ему в рот снадобье из калины, а затем быстро прижала рукой подбородок вверх, чтобы не выплюнул.

Проглотил. Получилось.

Она повторила процедуру, только теперь уже дала ему отвар против жара.

Мужчина снова посмотрел на нее, и глаза его вновь закрылись. Он опять провалился в беспамятство, только постепенно температура стала спадать, и к первым петухам он уже уснул спокойным сном.

Буджал и Петро к тому моменту успели поесть картошки с маринованными грибами и задремали на лавках. Мать Агафьи тихонько прибирала посуду.

Видя, что Алексею полегчало и кризис этой ночи миновал, девушка решила немного отвлечься и проветриться. Она взяла мокрую одежду офицеров, ведро воды и вышла на улицу.

Дождь закончился, последние раскаты грома потонули где-то за горизонтом, но в воздухе витала холодная утренняя свежесть. Во дворе загорланили петухи. Агафья расположилась на лавке возле дома и принялась стирать. Со ступенек крыльца на нее деловито смотрела Василиса. Ей надоело лежать на табуретке возле печи, можно было и посмотреть, что удумала хозяйка в такую рань. Спуститься к девушке она не решилась: слишком грязно и мокро для лапок, которые она вылизывала почти всю ночь.

Агафья закатала рукава, развела в воде щелочь и опустила в нее белье.

Она скручивала рубашки с портками, раскручивала, мяла их, била, терла едва ли не до дыр. От холодной воды у нее онемели руки, но девушка этого даже не чувствовала. Она ушла в свои мысли, в эту кадушку с мыльной водой она выплескивала сейчас всю свою боль и ярость.

Как тесен мир. И как просты, но одновременно сложны его дороги. Она вылечила Семена, которого ненавидит всей душой, чтобы он едва не убил дорогого для нее человека. Пусть и почти не знакомого. Но именно благодаря этому они и встретились. Едва не перейдя порог смерти, возлюбленный по краю жизни нашел дорогу к ней. Кто знает, не помоги она Семену,

сколько бы они с Алексеем ходили разными путями? Может, и не встретились бы никогда. А таким странным способом проявилась ее доля. Точно, делай, что должно, и будь что будет.

Так самозабвенно она еще не стирала.

Ей нужно было отвлечься.

Глава 5. Зараза

Спать Агафья так и не ложилась.

До восхода солнца она давала Алексею лекарства и меняла мазь, компрессы. В очередной раз промывая рану, девушка заметила, что кровотечение полностью остановилось и покраснение уменьшилось. Это был хороший знак: воспаление проходит, значит, рана скоро начнет затягиваться. Однако лечение необходимо было продолжать, потому что знахарка терпеливо наносила мазь вновь и вновь и перевязывала больному плечо.

В сознание он пока так и не приходил. Предутренняя горячка, мучившая его, пока отступила, но опасность еще оставалась: она могла вернуться с приходом ночи. Агафья сидела рядом и разглядывала лицо этого незнакомца, так бессовестно-волнующе ворвавшегося в ее жизнь. Пока Петро и Буджал спали, утомленные погоней и бессонной ночью, она могла, не стесняясь, изучать каждую черточку этого красивого мужественного лица. Вот мягкие русые волосы в беспорядке разметались по подушке. Вот маленькая прядочка милым завитком прилипла ко влажному широкому лбу. Вот взмахом вороньих крыльев над закрытыми глазами легли густые брови. Агафья тихонечко провела по ним пальцем. Жесткие. Затем палец девушки скользнул к длинным, почти девичьим угольным ресницам. Мягкие. Реагируя на легкое прикосновение, под сомкнутыми веками мужчины задвигались глазные яблоки. Агафья, испугавшись, что сейчас Алексей откроет глаза и поймает ее за бесстыдным разглядыванием, отдернула руку.

«Уфф, - выдохнула девушка, поняв, что опасность миновала. – И чего я так испугалась? Я проверяю, есть ли жар!»

От черных ресниц взгляд Агафьи совершил внимательную прогулку по прямому носу к аккуратным губам, уже вернувшим себе легкий розовый цвет. От внутреннего жара они ссохлись и потрескались, напоминая иссушенную зноем землю, при этом все равно оставаясь красиво очерченными мягкими островками блаженства на истерзанном страданием лице. Верхнюю губу густой порослью оттеняли аккуратно постриженные усы, из-за своей треугольной формы получившие название «шеврон». Агафья пересчитала все мелкие царапинки на лице Алексея, которые он получил, спасаясь от преследования через малиняг, и даже они вызвали в ней волну нежности.

Дальше взгляд девушки скользнул по крепкой мужской шее, задержался на туго обтянутых смуглой кожей ключицах, нежно пробежал по прикрытой одеялом могучей груди. Сколько Агафья ни смотрела на Алексея, она не могла найти ни одной детали, которая бы ей не понравилась, ни одного изъяна. Офицер казался ей воплощением ее мечтаний, идеальным мужчиной, наделенным силой и ловкостью, как герои книг, о которых ей рассказывал отец Тимофей и о которых она сама иногда пробовала читать.

Но Агафья понимала, что красота и сила – это еще не все, чем должен обладать мужчина. Как минимум ее мужчина. Он должен быть умным, порядочным и любящим. Почему-то ей казалось, что Алексей именно такой. Во время их первой встречи он не проявил грубости или дурного нрава, он не выказал глупость, наоборот, он был удивительно порядочен. Она к такому даже не привыкла. Окрестные парни да мужчины уважению к женщине не обучены и чаще всего откровенно лезут под юбку, а этот нет. Даже в погоню за ней не пустился. Не обидел ничем.

Девушке очень хотелось, чтобы мужчина скорее пришел в себя. Она жаждала этого, но одновременно и страшилась. Агафья боялась разочароваться в нем, но еще больше ее пугало то, что он мог не испытывать к ней тех же чувств, какие терзают ее.

На пороге избы с ведром молока появилась мать. Она тоже не спала, возбужденная прибитием гостей. Женщина хлопотала по хозяйству, желая оказать хлопцам должное гостепри-

имство, и Агафья с облегчением оставила домашние дела ей. Пелагея только что подоила козу, и избу наполнил теплый запах молока, немного горький от луговых трав, но очень душистый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.